

А. Г. ГЕРЦЕН, О. С. ИВАНОВА, В. Е. НАУМЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ЦЕРКВИ СВ. КОНСТАНТИНА (МАНГУП): III ГОРИЗОНТ ЗАСТРОЙКИ (середина IX – начало X вв.)

Статья продолжает серию публикаций основных результатов археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина, расположенной в центральной части Мангупского плато (рис. 1; 2) [1, с. 89-96; 2, с. 233-298; 3, с. 389-431; 4, с. 432-456]. Здесь в 1997, 2001-2005 гг. впервые за многие годы раскопок удалось открыть культурные напластования и связанные с ними строительные остатки, отражающие все основные периоды жизни поселения – от ранневизантийского до турецкого времени. Анализ совокупности находок, в том числе из многочисленных закрытых археологических комплексов (всего 71), датированных зачастую монетами, позволяет не только довольно уверенно оперировать основными вещественными хронологическими индикаторами для каждого из этапов функционирования городища, но и детализировать уже представленную в литературе периодизацию его истории [5, с. 85-88; 6, с. 746; 7, с. 29-30; 8, с. 69-70; 9; 10, с. 388].

В научный оборот уже введены результаты раскопок верхних горизонтов застройки в районе церкви Св. Константина, отражающих характер использования населением данного участка плато в феодоритский (середина XIV – третья четверть XV вв.) и в турецкий (конец XV – начало XVIII вв.) периоды истории Мангупа. Полученные археологические комплексы датированы соответственно 1400-1460-ми гг. и концом XVII – началом XVIII вв. [2, с. 233-298; 3, с. 389-43]. Настоящая статья посвящена материалам III строительного горизонта, который образуют сооружения «хазарского» и «фемного» времени.

Следует подчеркнуть, что период VIII-XI вв. в истории Мангупа остается одним из наименее изученных. Он слабо отражен как в письменных источниках, так и в публикациях результатов раскопок памятника. Среди факторов, объясняющих этот несомненный для современного этапа изучения городища парадокс, необходимо отметить не столько влияние на ход и интерпретацию итогов раскопок ныне устаревших теоретических посылок о позднем характере

поселения на Мангупском плато – не ранее начала XI – XII вв. (Н.И. Репников) либо после VIII или начала IX вв. (Е.В. Веймарн) [11, с. 140-144; 12, с. 125, 139; 13, с. 165], сколько ряд объективных трудностей, с которыми сталкивались все исследователи Мангупа. Во-первых, особенности формирования культурного слоя на плато, в котором лучше всего представлены поздние горизонты истории памятника (XV-XVIII вв.), а материалы более раннего времени на большей части городища, как правило, встречаются в переотложенном состоянии. Во-вторых, выбор объектов археологического исследования, которыми вплоть до недавнего времени являлись в основном архитектурно-топографические доминанты феодоритского и турецкого периодов истории Мангупа, его культовые, общественные и фортификационные сооружения. В-третьих, большие размеры плато (более 90 га), остающегося в значительной степени археологически неизученным.

С начала 90-х гг. XX в. археологическое изучение Мангупа вступило в новую фазу, когда архитектурно-археологические объекты исследуются на широкой площади вместе с прилегающей застройкой. Это позволило выявить в различных районах плато участки культурного слоя раннесредневекового времени, в том числе периода VIII-XI вв. (цитадель на мысе Тешкли-бурун, церковь Св. Константина, княжеский дворец, Лагерная балка) (рис. 1), выделить основные категории находок в материальном комплексе городища этого времени и сформировать новую концепцию его топографии и особенностей этнокультурного и социально-экономического развития.

Впервые отдельные находки интересующего нас периода были изданы среди материалов археологических исследований городища экспедицией ИИМК в 1938 г. Упоминается находка медной монеты времени императора Льва VI (886-912) из нижнего нивелировочного слоя в центральном здании комплекса княжеского дворца, так называемом «помещении С» [14, с. 409]. М.А. Тиханова отмечает единичные фрагменты «круглодонных амфор салтовского типа» и поливной белоглиняной керамики с рельефным орнаментом из слоя отвалов и нижнего (надскального) культурного горизонта на участке снаружи западной стены базилики [15, с. 344, 363, 365, рис. 30,а; 32]¹. На участке снаружи северной галереи храма из второго слоя, где были найдены в основном материалы XIV-XV вв., происходит фрагмент горла амфоры такого же типа, из нижнего (надскального) горизонта – обломки кувшинов, впоследствии отнесенных к «скалистинскому типу», из заполнения одной из гробниц внутри крещальни – золотая серьга с пирамидкой из зерни [15, с. 377, 383, 386, рис. 20,н; 30,б,е-к]².

¹ Подобная глазурованная керамика атрибутируется ныне как группа Glazed White Ware-II по Дж. Хейсу [16, р. 15-29].

² Такие серьги А.И. Айбабин датирует первой половиной VIII в. [17, с. 123, 126, рис. 6,33].

Данные находки не получили должной интерпретации авторов публикации, акцентировавших внимание на ранней дате (VI в.) основания базилики [15, с. 387; 18, с. 214-216]. Нижний (надскальный) слой, где, очевидно, *in situ* были найдены фрагменты указанных амфор и бытовой керамики, датирован широко, в пределах всего раннесредневекового периода. Тем не менее, на сегодняшний день эти артефакты остаются единственными, надежно атрибутированными хазарским и фемным временем, материальными свидетельствами из раскопок базилики. Результаты ее последующих исследований в конце 60-90-х гг. XX в. (руководитель Н.И. Бармина) остаются по большей части неизданными. Автор раскопок в своих многочисленных публикациях, имеющих тезисную форму, как правило, без сопровождающих иллюстраций находок, пытается обосновать более позднюю дату появления храмового комплекса (IX в.)³. Лишь в статьях 1995 и 1997 гг. приведены иллюстрации материалов, указывающих, по ее мнению, на «хазарский след» – в виде зафиксированного раскопками базилики обряда обезвреживания погребенных, а также знаков типа «вавилон», прочерченных на надгробиях и известняковых оберегах [23, с. 34-36; 24, с. 80-83; 25, с. 52, рис. 35]. Однако стратиграфические обоснования для датировки этих находок в публикациях отсутствуют. Следует отметить, что интерпретация изображений «вавилонов», широко известных на памятниках Восточной Европы и Северного Кавказа, как изображения семичастной модели мироздания, распространенной в мифологии многих народов тюркского, иранского и финно-угорского происхождения, в том числе среди носителей салтово-маяцкой археологической культуры [26, с. 45, табл. VI, 11-30; 27, с. 142-146, рис. 3], далеко не бесспорна. Есть другие, не менее обоснованные. Например, И. Врум в специальной работе, посвященной анализу фрагмента черепицы с вырезанным изображением «вавилон» из Беотии (континентальная Греция), приводит целую серию археологических и иконографических примеров из Северной и Западной Европы, Восточного Средиземноморья, свидетельствующих об использовании таких изображений в качестве поля для настольной игры с фишками в римское время и в эпоху средневековья⁴. С учетом того, что находка из Беотии датируется временем не ранее XIII в., и в целом ее издание распространение таких игр на территории Византии склонна связывать с расселением европейцев в пределах империи после IV Крестового похода

³ Правда, в ряде недавних статей Н.И. Бармина существенно корректирует свою концепцию, полагая, что на месте трехнефной базилики в VI в. функционировали однефный храм и крещальня, раскопанная М.А. Тихановой. Эти заключения впервые иллюстрируются планами комплекса в различные периоды его истории, но вновь без анализа вещественного комплекса находок [19, с. 23-27; 20, с. 262; 21, с. 316-318; 22, с. 305-313].

⁴ Приносим искреннюю благодарность Л.В. Седиковой, обратившей наше внимание на статью И. Врум. Из последних публикаций по данному сюжету см.: 103, p. 146-156.

[28, p. 94-108, pl. III, fig. 3], интерпретация «вавилонов» из раскопок Мангупа требует дополнительного изучения.

С 1967 г. археологическое исследование Мангупского городища было продолжено экспедицией под общим руководством Е.В. Веймарна⁵. Итоги этих раскопок, сконцентрированных в основном на изучении культовых и жилых сооружений вдоль южного обрыва плато, нашли отражение в двух пространственных статьях, подтвердив, по мнению их авторов, сложившуюся гипотезу о раннесредневековом характере укрепления на мысе Тешклибурун и возникновении поселения в пределах всего плато после VIII или даже начала IX вв. [12, с. 12, 125-139; 29, с. 113-118]. Однако археологический комплекс находок для обоснования этой гипотезы в публикациях не представлен, его атрибуция, по большей части, вызывает сомнения [30, с. 306-314]. Лишь упоминания фрагментов кувшинов «тепсеньского» типа VIII-X вв. из разведочных траншей под акрополем городища и белоглиняной поливной керамики из нижнего (надскального) слоя на месте усадьбы к юго-западу от цитадели [12, с. 129, 138] позволяют довольно уверенно отождествить их соответственно с высокогорными кувшинами с широкими плоскими ручками и византийской глазурованной посудой группы Glazed White Ware-II и предположить обжитость данного участка плато в хазарское и фемное время.

С 1969 г. к изучению оборонительной системы городища приступил один из авторов настоящей статьи. Исследования различных фортификационных звеньев Мангупской крепости, проводимые в течение 70-80-х гг. XX в., позволили получить надежные археологические свидетельства ее возникновения в середине – второй половине VI в. и разработать новую концепцию исторической топографии памятника, в том числе в хазарское и фемное время. Основные положения этой концепции были изложены в диссертации 1984 г. и в монографии 1990 г. В ряде позднейших статей они незначительно скорректированы, в связи с появлением материалов новых раскопок и вкратце сводятся к следующему. Ранневизантийский период в истории городища завершается в конце VIII в., когда в ходе подавления антихазарского восстания населения Готии, упомянутого в Житии Иоанна Готского, крепость была занята хазарами, разместившими здесь свой гарнизон. С этого момента Мангуп становится одним из опорных пунктов византийско-хазарского пограничья, но присутствие каганата носило, скорее, военно-политический характер, не отразившись принципиально на этническом составе населения городища и его

⁵ Организационно экспедиция носила совместный характер, представляя Отдел археологии Крыма Института археологии АН Украины, Бахчисарайский историко-археологический музей и Крымский государственный педагогический институт им. М.В. Фрунзе (с 1971 г. Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе, с 2000 г. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского). С 1975 г. руководство ею осуществляет А.Г. Герцен. С этого же момента экспедиция приобрела самостоятельный статус.

округи. С учреждением в середине IX в. в Таврике византийской фемы крепость вновь переходит под контроль империи. Фемный период в истории памятника завершается в первой половине XI в. военно-политической (природной?) катастрофой, приведшей к его запустению. По крайней мере, археологических материалов второй половины XI – XIII вв. в ходе многолетних раскопок на плато практически не найдено. Типологически Мангуп VIII-XI вв. может быть определен как крепость-убежище для относительно немногочисленного населения, с редкими усадьбами и хозяйственными комплексами, сосредоточенными в основном в его северо-восточной части – в районе цитадели и в верховьях Гамам-дере. Отдельные участки поселения фиксируются также в Лагерной балке, на месте дворца и вокруг базилики, но это не меняет общего впечатления о слабой заселенности большей части территории плато. Основным занятием населения становится виноградарство и производство вина на экспорт, о чем свидетельствует появление в это время на плато тарапанов (известно девять). Главными хронологическими индикаторами для выделения участков культурного слоя и комплексов хазарского и фемного времени являются находки «причерноморских» амфор, высокогорлых кувшинов, белоглиняной поливной посуды. Важно отметить редкость среди материалов раскопок находок типичной салтово-маяцкой керамики [31, с. 8-9, 12-13, 16; 32, с. 112-119, 133-138; 33, с. 118-119; 7, с. 32-33; 9, с. 104-105; 34, с. 69-70].

Основные этапы политической истории Мангупского городища VIII-XI вв. иллюстрируются рядом закрытых археологических комплексов, большая часть которых уже издана. С событиями VIII в. связаны «чамну-бурунский клад» восьми медных монет – подражаний солидам Льва III (717-741) и слой пожара этого столетия, зафиксированный в стратиграфии на площади раскопа I-I в Лагерной балке, из которого происходят фрагменты амфор «причерноморского типа» с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса – наиболее поздние датированные находки в комплексе [35, с. 127-128, рис. 5; 32, с. 134]⁶. Присутствие хазарского гарнизона в крепости нашло отражение в ремонтах ряда участков ее Главной (внешней) линии обороны с использованием новых фортификационных приемов, важнейшим из которых является постройка оборонительных стен непосредственно на грунт. С притоком нового населения или, возможно, с изменением политической ситуации связаны также высеченные на блоках стен тамгообразные знаки, многие из которых находят аналогии на памятниках салтово-маяцкой культуры,

⁶ В публикации материалов из Лагерной балки на рисунках, к сожалению, приведены лишь фрагменты краснолаковой керамики и основных типов амфор, характерных для ранневизантийских горизонтов поселения [32, рис. 27-28]. Невыразительные фрагменты «причерноморских» амфор из слоя не изданы. Более презентабельным является комплекс находок интересующего нас периода времени из недавних раскопок 2007-2008 гг. на эспланаде крепостной стены второй линии обороны, который сейчас готовится к публикации.

и женское погребение с серьгами «салтовского типа» (не издано), открытое при зачистке строительной траншеи на площади раскопа II–II-A у тыльной стороны укрепления А.XIV, на северо-восточном склоне мыса Чуфут-Чегарган-бурун [32, с. 112-119, рис. 6; 15-18]. Следы катастрофы первой половины XI в. представлены в комплексах у тыльной стороны цитадели, где на площади раскопа X (1976 г.) и X-Б (1978 г.) открыта погибшая в пожаре постройка. С этими же событиями, очевидно, связано сокрытие так называемого «тешклибурунского клада» [36, S. 151-152, Abb. 169; 37, с. 132-146, рис. 2-6]. Наконец, в 1990 г. В.Л. Мыц опубликовал результаты исследований крестообразного храма на юго-восточном склоне Мангупа, раскопанного в 1981 г. Наряду с планами церкви и погребальных сооружений изданы керамические находки IX-X вв. – фрагменты черепицы, амфор «причерноморского» типа, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками [38, с. 229-232, рис. 4,1-11; 5,1-12]. Выводы по этим материалам автор сделал в соответствии с гипотезой о появлении большого поселения городского типа на плато не ранее X в., что не подтверждено результатами наших многолетних исследований.

В отличие от материалов археологических исследований городища 70-80-х гг. XX в. результаты позднейших раскопок вводятся в научный оборот более оперативно. В основном находки хазарского и фемного периодов в истории памятника по-прежнему происходят из района мыса Тешкли-бурун, что подтверждает тезис о непрерывном характере поселения в этой части плато на протяжении всего периода раннего средневековья. На сегодняшний день опубликован материал стратиграфических исследований на юго-восточном склоне мыса, где были выявлены разновременные культурные напластования, в том числе горизонт X – первой половины XI вв. (слой № 3), сброшенные с поверхности акрополя городища в результате строительной деятельности [10, с. 390-414, рис. 10-12; 39, с. 392-409, рис. 24-31]. Отдельные фрагменты керамики VIII-X вв. обнаружены также во время раскопок культового и дозорного комплекса под оконечностью мыса Тешкли-бурун [40, с. 230, рис. 18,4; 20,8]. В специальных работах представлена первичная сводка византийской глазурованной керамики VII-XI вв. и нумизматических находок фемного времени (от Василия I (867-886) до Никифора II Фоки (963-969)), обнаруженных в ходе многолетнего археологического изучения цитадели Мангупа [41, с. 176-179, рис. 2; 42, с. 258-259, рис. 1; 43, с. 457-458]. Из раскопок других районов городища отметим, прежде всего, введение в научный оборот византийской печати X в. с остатками процветшего креста на аверсе, монет времени правления Василия I (867-886), Романа I Лакапина (920-944), Романа II (959-963), Иоанна Цимисхия (969-976), найденных в ходе исследований церкви Св. Константина и окружающей ее застройки [44, с. 60-61; 2, с. 290, 295, №№ 6, 37; 3, с. 409-410, №№ 14-15]. Опубликованы материалы небольших охранных работ, проведенных в 1996 г. на площади жилой усадьбы в балке Каралез, частично

сохранившейся в обресе современного водохранилища. Гибель постройки определяется в пределах второй половины – конца IX в. [45, с. 324-339]. Результаты других охранных исследований объектов интересующего нас периода времени в округе городища освещены пока лишь сообщениями тезисного характера⁷.

Новые представления об истории Мангупа VIII-XI вв. постепенно находят отражение в специальных работах и в обобщающих исследованиях по истории Таврики раннесредневекового времени, в которых делаются попытки осмысления результатов проведенных археологических исследований памятника в контексте общей истории региона. Первый опыт их интерпретации, предпринятый И.А. Барановым, следует признать неудачным. Опираясь на итоги раскопок 1967-1969 гг. в южной части городища и в Лагерной балке, он пришел к выводу о том, что ранние крепостные стены городища датируются хазарским временем, а сам Мангуп является наиболее крупной крепостью Хазарского каганата в Юго-Восточной Европе. Постройку, раскопанную И.С. Пиоро, исследователь атрибутировал как салтово-маяцкую, отметив при этом спорадическую встречаемость салтово-маяцкой керамики по всей поверхности плато [49, с. 58-59]. Априорность этих заключений была очевидна сразу же после появления его монографии, что подтвердили дальнейшие публикации материалов из раскопок Мангупа.

Уже А.И. Айбабин, анализируя весь известный ему комплекс нарративных и материальных свидетельств по истории городища, соглашается в основном с нашей интерпретацией этих источников, предлагая, однако, в отдельных случаях собственную версию происходивших на плато событий. Так, сокрытие чамну-бурунского клада, по его мнению, связано с событиями антихазарского восстания в Доросе в конце VIII в., перестройка обороны крепости в этот исторический период – с возникновением фемы в Таврике, хотя отдельные ремонты ее Главной линии обороны хазарами также не исключаются. В X в. перестраивается или восстанавливается базилика, к которой не ранее XI в. пристраивается крещальня⁸. Со второй половины X в. на плато находилась резиденция турмарха Готии⁹. Военно-политическая катастрофа середины XI в. была вызвана половецкими походами [52, с. 209-210, 216-218;

⁷ Такие работы в балке Каралез в начале 80-х гг. XX в. проводил В.А. Сидоренко, частично исследовав трехнефную базилику VIII-X вв. и могильник VI-X вв. (даты автора раскопок). Их результаты до сих пор не опубликованы [46, с. 114-115]. В начале 2000-х гг. охранные раскопки на г. Бабулган, приблизительно в 5 км к югу от Мангупа, позволили открыть руины еще одного христианского храма, предварительно датированного VIII-IX вв. В тезисной публикации первых результатов раскопок памятника упоминаются находки черепицы этого времени и монета Василия I [47, с. 94; 48, с. 16].

⁸ Хронология базиликальной крещальни основана на авторской передатировке надписи на обломке известнякового фриза из раскопок 1938 г., прочтение которой было выполнено В.П. Яйленко [50, с. 163].

⁹ Печать Льва, спафария и турмарха Готии, конца X – начала XI вв. обнаружена на террито-

53, с. 62-64; 54, с. 77-80]. Эти выводы не лишены интереса, но нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Наконец, в недавней статье А.Ю. Виноградов переиздал известную надпись 1503 г. с именем Цулы из оборонительной стены в балке Табана-дере, предложив ее новую дату – 994-995 гг. [55, с. 262-271]. Можно согласиться с палеографическими обоснованиями новой хронологии этого памятника. Более того, эта датировка в наилучшей степени объясняет присутствие в легенде надписи должности топотирит, обозначающей в византийской военно-административной системе фемного времени одного из высших командиров тагмы или коменданта отдельной крепости на границах империи, что, по справедливому замечанию исследователя, свидетельствует об укреплении Византией Мангупа в конце X в. и расквартировании здесь на постоянной основе византийского гарнизона. Тем не менее, новое прочтение эпиграфической находки не решает еще ряда важных вопросов относительно хронологии оборонительной стены в Табана-дере и расположенного рядом пещерного монастыря, с чем автор публикации в целом согласен, хотя и склоняется к более ранним, чем принято, датировкам объектов. На наш взгляд, объективное рассмотрение этих вопросов возможно лишь с привлечением полного комплекса источников по истории Мангупа фемного времени, что требует в будущем специальной работы.

Подводя итог обзору существующей источниковедческой базы по истории Мангупа VIII-XI вв., следует еще раз отметить, что раскопки, проводимые на памятнике в последние десятилетия, позволили значительно расширить представления о топографии и структуре археологического комплекса городища данного периода. Публикуемый же комплекс из раскопок церкви Св. Константина не только пополняет имеющийся в нашем распоряжении фонд источников, но и позволяет более детально представить этнокультурные процессы, происходившие в это время на поселении, что не удавалось сделать на материалах из других районов исследования городища.

III горизонт жилой и хозяйственной застройки на площади раскопа к северо-западу от церкви Св. Константина представлен двумя однокамерными зданиями (№№ 2 и 5) со смежной стеной (кладка 18), к которым с юго-запада пристроено прямоугольное в плане хозяйственное помещение, а также тремя ямами (№№ 7, 8, 11) и двумя строительными траншеями (№№ 1 и 5) (рис. 3-8)¹⁰. Все указанные археологические объекты планиграфически входят в состав единого строительного комплекса общей площадью около

рии Херсонесского городища в 1995 г. и опубликована Н.А. Алексеенко [51, с. 230-231]. Другой экземпляр моливдовула происходит из фондов Керченского заповедника [91, с. 566-567].

¹⁰ Нумерация открытых кладок, зданий, хозяйственных ям и строительных траншей следует общей нумерации строительных остатков, принятых в ходе исследования квартала в районе церкви Св. Константина с 1997 г.

100 кв. м (квадраты В, З, И, К, Н), который был построен и функционировал в относительно короткий промежуток времени. Об этом свидетельствуют общая ориентация сооружений (по оси северо-восток – юго-запад), идентичные строительная техника и вещественный комплекс находок. Необходимо также отметить, что изучение стратиграфической ситуации на участке исследований выявило отсутствие здесь выраженного общего культурного слоя, образование которого можно было бы уверенно связать с функционированием данного яруса застройки. Все культурные напластования, происхождение которых отражает историю этого района плато в хазарское и фемное время, носят локальный характер и сосредоточены в пределах открытых сооружений. Как и в случае с застройкой XV в., складывается впечатление, что основной массив строений VIII-XI вв. в верховьях балки Гамам-дере располагается где-то за пределами раскопа 1997, 2001-2005 гг. Здесь же мы имеем дело с его периферией [3, с. 391]. Перейдем к описанию планировочных и конструктивных особенностей открытых археологических объектов.

Наиболее ранним из них, с точки зрения планиграфии комплекса, является **здание № 5**, раскопки которого на площади квадратов И и З были полностью завершены в 2004 г. (рис. 3-5; 7; 11-13; 16). Оно представляет собой однокамерную подквадратную в плане постройку с внутренними размерами 4,3х4,6 м. Юго-восточной стеной здания является **кладка 18**, поставленная на искусственную грунтовую «ступень» высотой 0,15-0,25 м и шириной 0,6-0,7 м, которая состоит последовательно из останца материковой глины, подсыпки ее неровностей рыхлой серой землей и темно-коричневого суглинка. Сохранилась в длину на 2,4 м, хотя изначально общая протяженность стены, судя по размерам «ступени», должна была составлять не менее 4,5 м. С кладкой 18 вперевязь сложена **кладка 30**, юго-западная стена постройки, от которой сохранился фрагмент длиной 3,7 м. Северо-западная стена здания (**кладка 28**) представлена фрагментом протяженностью 2,9 м. От северо-восточной стены осталась лишь грунтовая ступенчатая «постель» высотой до 0,1 м, выкопанная в темно-коричневом суглинке. Не сохранились северный и западный углы постройки. Все стены здания № 5 сложены на грунте, из разномерного бутового камня, на глиняном связующем растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. В нижних рядах использовались более крупные блоки, обработанные квадраты – в углах строения. Местами прослеживается техника кладки «в елку» (кладка 18), применение которой, скорее всего, связано с уплощенной формой строительного материала. Сохранность стен в высоту составляет 1-3 ряда кладки (до 0,4 м), их ширина в пределах 0,75-0,9 м.

С учетом понижения уровня земляного «пола» по отношению к окружающей дневной поверхности постройку необходимо причислить к сооружениям полуземляночного типа. Последовательность ее возведения, в таком случае, реконструируется следующим образом. Первоначально, в накопившемся

к моменту строительства здания культурном слое¹¹, был вырыт «котлован» глубиной 0,4-0,5 м и выровнены грунтовые «постели» под стены. Подобная «постель» под кладку 18 носит, как уже отмечалось, композитный характер. Понижение между материковым останцем и «ступенью», вырезанной в темно-коричневом суглинке, нивелировалось здесь обычной подсыпкой грунта. Затем, с целью избежать оползания «ступеней», вдоль них, по периметру «котлована», сооружались «креpidы» из камня. Они сохранились у северо-западной (кладка 41), северо-восточной (кладка 42) и юго-восточной стен здания. **Кладка 41** прослежена в длину на 2,9 м, сложена из мелких бутовых камней, на глиняном растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. Сохранность в высоту – 1-2 ряда (до 0,34 м), ширина – 0,5-0,76 м. **Кладка 42** сохранилась фрагментарно. Зачищены два фрагмента «креpidы» длиной соответственно 0,96 и 0,88 м, сохранностью в высоту – 1-2 ряда камней (до 0,32 м). Стена сложена из бутовых уплощенных камней, на глиняном растворе, в технике однорядной кладки, с использованием элементов «кладки в елку». Пространство между «постелью» под северо-восточную стену здания и кладкой 42 забутовано мелким камнем и щебнем. От «креpidы» под юго-восточную стену сохранилось лишь два камня, подпирающих ее на участке грунтовой подсыпки. После сооружения креpidных кладок все внутреннее пространство здания было сnivelировано под уровень подошвы стен светло-серым плотным грунтом мощностью до 0,3 м, насыщенным щебнем и известью. Поверхность этой засыпки использовалась в процессе функционирования постройки как **земляной «пол»**, покрытый известковой обмазкой, последняя сохранилась местами в виде сплошной «корки».

Входной проем в здание № 5 не обнаружен. Предположительно он находился в районе стыка кладок 18 и 30. Именно здесь при зачистке «пола» постройки был зачищен прямоугольный блок (0,26x0,82 м) с зашлифованной поверхностью, который использовался в качестве ступени для спуска вовнутрь помещения. На уровне материкового суглинка в южном углу постройки сохранилось основание лестницы (?) прямоугольной формы (размеры 1,14x1,56 м), контур которого ограничен крупными каменными блоками без следов обработки, а внутреннее пространство забутовано разномерным камнем. На расстоянии 0,2-0,3 м от него, параллельно юго-западной стене здания, зачищена однорядная **кладка 43**, сложенная из разномерного бутового камня и крупных мергельных плиток, без связующего раствора. Ее длина – 3,0 м, ширина – 0,16-0,26 м, сохранность в высоту – один ряд. Назначение кладки осталось неясным.

¹¹ В полевой документации – слой № 4, коричневый или местами темно-коричневый плотный грунт, залегавший мощностью до 0,8 м на материке. Его образование связано с функционированием многочисленных (всего 60) хозяйственных ям, составляющих IV (нижний) горизонт застройки второй половины VI – середины VII вв. на участке исследований [2, с. 235, 241].

Вскоре после сооружения здания № 5 к нему с юго-восточной стороны было пристроено **здание № 2**, полностью раскопанное на площади квадрата В в 2003 г. (рис. 3-4; 6; 9-10; 13-14). Оно представляет собой прямоугольную в плане однокамерную постройку (внутренние размеры 4,7х2,45 м). Входной проем шириной 1,1 м зафиксирован в юго-западной стене (кладка 9) и оформлен хорошо обработанными блоками. Строительные приемы и материал, использованные при возведении здания, в целом идентичны описанным при характеристике конструктивных особенностей здания № 5. Следует еще раз отметить, что кладка 18 является общей для обеих построек, поэтому не требуется такого же детального описания отдельных кладок сооружения. Отметим некоторые моменты, важные в дальнейшем при анализе общих этнокультурных особенностей застройки хазарского и фемного времени в районе церкви Св. Константина. Типичным для салтово-маяцкой строительной культуры можно считать постановку стен на грунт и применение элементов кладки «в елку» (кладки 9 и 18). В то же время укладка углов сооружения вперевязь, применение глиняного связующего раствора, использование более крупных и хорошо обработанных квадров в нижних рядах стен при создании дверных проемов и углов кладок, скорее, характерно для облика провинциально-византийских памятников Таврики. Кроме того, здание № 2, как и здание № 5, следует причислить к постройкам полуземляночного типа, уровень **земляного «пола»** которого понижен относительно окружающей дневной поверхности. При этом следует отметить, что «полом», по сути, является грунтовая нивелировочная засыпь внутреннего пространства строения мощностью до 0,3 м, под уровень подошвы стен, поставленных на искусственные грунтовые «ступени» (кладки 10, 11, 18), либо на каменный цоколь высотой 0,2 м, выступающий на 0,1 м за линию кладки (кладка 9). Чтобы избежать просадки «пола», его нижний горизонт представляет собой фактически сплошную каменную забивку, присыпанную коричневым плотным грунтом. Жилая поверхность постройки отмечена сохранившимися пятнами известковой обмазки и глины, горизонтально лежащими фрагментами керамики и мергельных плиток.

В процессе зачистки «пола» в западном углу здания № 5 были исследованы три хозяйственные ямы (рис. 3). **Яма № 7** расположена у западного края кладки 28, она круглая в плане, диаметром 1,6 м и глубиной 0,2-0,3 м. К югу от нее защищены **ямы №№ 8 и 11**, также круглые в плане, диаметром 0,45 и 0,4 м и глубиной 0,2 и 0,1 м соответственно. Все ямы выкопаны с уровня «пола» постройки и заполнены таким же грунтом с камнем, но более рыхлым по структуре.

На последнем этапе функционирования комплекса зданий 2 и 5 к нему с юго-запада было пристроено **хозяйственное помещение (2004 г.)**, которое представляет собой прямоугольную в плане постройку с внутренними размерами 6,0х4,0 м (рис. 3; 8; 13; 15). Со зданием № 2 она соединена дверным проемом. Юго-западной и юго-восточной стенами помещения являются соответственно **кладки 31 и 32** – однорядные, шириной 0,34 м, сложен-

ные в «елку» из разномерного бутового камня на глиняном растворе, стоящие на поверхности материкового суглинка и сохранившиеся в высоту до двух рядов (до 0,4 м). Северо-западная стена отсутствует. Контур постройки в этом направлении определяется по структуре ее заполнения. Стратиграфические наблюдения показывают, что помещение, вероятно, следует отнести к сооружениям полужемляночного типа, заглубленным по отношению к окружающей дневной поверхности приблизительно на 0,1 м. Борты «котлована», выкопанного до уровня материка (ярко-коричневый суглинок), обложены однорядными стенами. В процессе сооружения помещения были засыпаны до уровня пола более ранние по времени ямы (№№ 30 и 31), внутреннее пространство постройки выровнено подсыпкой темно-коричневого, местами коричневого, плотного грунта, насыщенного углями, пятнами золы, извести и «наплывами» светлой глины, напоминающей по структуре и цвету связующий раствор, на котором были сложены ее стены. Поверхность этой нивелировочной засыпки, дополнительно покрытая известковой обмазкой, превратилась в земляной «пол» помещения. Его мощность достигает 0,45 м.

Наконец, в процессе раскопок вокруг зданий 2 и 5 были открыты две строительные траншеи, которые, судя по материалу из их заполнения, очевидно, связаны с функционированием данного комплекса (рис. 3). **Строительная траншея № 1 (2003 г.)** прямоугольная в плане, со скругленными углами (размеры 4,4x1,15-1,25 м), глубиной приблизительно 0,25-0,5 м. Она расположена параллельно северо-восточной стене здания 2 (кладка 11), на расстоянии 1,3-1,45 м от нее, заполнение – серый рыхлый грунт, практически без камня. **Строительная траншея № 5 (2004 г.)** максимальной длиной 3,1 м, шириной 1,0 м и глубиной 0,5 м не имеет правильных очертаний, борты ее плавно сужаются ко дну, заполнение – серый рыхлый грунт.

Датировка описанных жилых и хозяйственных сооружений определяется на основании анализа комплексов полученных находок. Однако процесс их обработки и особенно интерпретации связан с рядом объективных сложностей. Во-первых, следует учитывать особенности формирования культурного слоя на участке исследований, где стратиграфически не выражен культурный горизонт, связанный с функционированием данного яруса застройки и слабо представлен слой его разрушения. Лишь в пределах хозяйственного помещения и в западной части здания № 5 на «полах» выявлен каменный завал, затянутый глиняным раствором серо-белого цвета и наносным коричневым плотным грунтом, который можно связать с разрушением строений¹². Отсутствие следов пожара и общая плохая сохранность сооружений, от которых

¹² Общая мощность «слоя разрушения» достигает местами 0,6 м. В полевой документации к числу таких археологических контекстов отнесены – слой № 3 в квадратах В (2001 г.) и З (2002 г.), «каменный завал к северо-западу от кладки 18» (2003 г.) и «каменный завал в хозяйственном помещении к юго-западу от здания 2» (2003 г.).

зачастую сохранились лишь «полы», нижние ряды стен либо субструкции под них свидетельствуют о том, что комплекс зданий 2 и 5 был просто оставлен его обитателями и сильно пострадал в процессе позднейшей разборки с целью добычи строительного материала. Во-вторых, не все из полученных комплексов находок одинаково равноценны для характеристики структуры археологического комплекса городища этого периода времени в целом. Хуже всего он представлен в так называемых «слоях разрушения» построек, в заполнении ям №№ 8 и 11, в засыпке строительных траншей, где наиболее поздними артефактами являются фрагменты «причерноморских» амфор и редкие обломки стенок высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Это обстоятельство заставляет при анализе хронологии исследованного памятника опираться лишь на те закрытые археологические комплексы, стратиграфию которых в процессе раскопок удалось надежно зафиксировать, а происходящий из них комплекс вещественного материала содержал основные категории находок VIII-XI вв., характерных для Мангупского городища. К таковым следует отнести только пять археологических комплексов: «слой функционирования» здания № 2, «полы» зданий №№ 2 и 5, хозяйственного помещения к юго-западу от них, заполнение ямы № 7. Перейдем к их характеристике.

«Слой функционирования» здания № 2 (рис. 3; 14)¹³. Выделен в процессе зачистки «пола» постройки. Представляет собой светло-серый плотный грунт, насыщенный щебнем, мергельными плитками, угольками, керамической и известковой крошкой, зольными пятнами. Мощность слоя 0,1-0,2 м. По структуре он вполне соответствует горизонтам, связанным с функционированием жилых построек. На это также указывают два стратиграфических наблюдения. Во-первых, контекст ограничен внутренним пространством здания. Во-вторых, на его подошве местами зачищены остатки сплошной известковой обмазки «пола» постройки.

Археологический комплекс представлен в основном керамическими находками (всего 1388 фрагментов), среди которых преобладают обломки строительной и тарной керамики:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	250	18
2	Тарная керамика	878	63,3
3	Кухонная керамика	182	13,1
4	Столовая керамика	78	5,6

К сожалению, сегодняшний уровень наших знаний о строительной керамике городища не позволяет уверенно выделять черепицу интересующего нас

¹³ В полевой документации обозначен как 4-й слой в квадрате В (2001 г.), частично прослеженный на площади квадрата З в 2002 г.

периода времени. К тому же в изучаемом комплексе отсутствуют крупные фрагменты изделий. Поэтому отметим лишь, что найденные обломки красноглиняных керамид и калиптеров делятся на две технологические группы – сформованные из плотного глиняного теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц и изготовленные из плохо промешанного теста с известковыми разводами. Последние изделия имеют характерный высокий (до 6,0-6,5 см) подпрямоугольный в сечении боковой бортик, с пальцевым желобком вдоль него. Черепица обеих групп, как правило, покрыта плотным светлым ангобом.

Остальной материал из слоя подразделяется на две хронологически хорошо выраженные группы, примерно в равных пропорциях. Первая из них представлена фрагментами керамики ранневизантийского времени, которая носит характер «примеси снизу», обычной для многослойных памятников – амфор типа V по классификации средневековых амфор Херсонеса 1971 г. (далее – ХК-71) и классов 1 и 2 по классификации 1995 г. (далее – ХК-95), типов LRA 1 и 2, типов 95 и 100 по Зеест [56, с. 85; 57, с. 16-20; 58, р. 212-219; 59, с. 118-120], лепных сосудов с лощеной поверхностью и краснолаковых изделий. Вторая (583 фрагмента или 41,9% от общего числа керамических находок в слое) включает в себя все основные категории вещественного материала, характерного для хазарского и фемного времени на Мангупском городище. Ее структура представлена в нижеприведенной таблице:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Пифосы	20	3,4
2	«Причерноморские» яйцевидные амфоры с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса	305	52,4
3	«Причерноморские» желобчатые амфоры	133	22,9
4	Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками	7	1,2
5	Фляги	1	0,1
6	Неорнаментированные кухонные горшки, изготовленные на ручном гончарном круге	78	13,4
7	Салтово-маяцкая керамика	3	0,5
8	Кувшины с росписью линиями светлого ангоба	36	6,2

Из нее хорошо видно абсолютное преобладание тарных изделий (около 80%):

1. Пифосы. Глиняный черепок красновато-желтого (5YR 6/8 либо 5YR 7/6) цвета¹⁴, рыхлый по структуре, с примесью известняка, толченой гальки, шамота. Снаружи сосуды покрыты светлым ангобом. Отметим фрагменты дна

¹⁴ Цвет изделий приведен по: Munsell A.N. Soil Color Charts. New York, 2000.

с массивным округлым выступом (рис. 17,23) и стенки с прочерченным тамгообразным знаком (трезубец с горизонтальной линией) (рис. 17,21). Последний находит прямые аналогии среди граффити на амфорах из «хазарского» слоя Саркела [26, с. 77, табл. XV,223-224].

2. «Причерноморские» круглодонные амфоры с яйцевидным корпусом и мелким зональным рифлением (далее – МЗР) в верхней части корпуса (рис. 17,3-5,7-18,22). В существующих классификациях средневековых амфор Причерноморья они известны как тип XIV по ХК-71 [56, с. 88-89, рис. 15], вариант 1 по Якобсону [60, с. 29-31, рис. 12; 13,6-7], класс 24 по ХК-95 [57, с. 50-52, табл. 20-21; 22,95], тип 24 по Сазанову [61, р. 92, fig. 2,24]. Горло сосудов из нашего комплекса коническое, завершается отогнутым плоско срезанным венчиком с внутренней западиной или без нее. Диаметр венчика в пределах 8,0-8,8 см. Ручки овальные в сечении, с хорошо выделенным продольным ребром и заостренными боковыми гранями, ширина их колеблется в пределах 3,0-4,0 см. Амфоры изготовлены из плотного глиняного теста с примесью мелких карбонатов, которое после обжига приобретает красный цвет различных оттенков (2,5 YR 5/6; 2,5 YR 6/6; 2,5 YR 6/8; 2,5 YR 7/6; 5 YR 5/6). Практически всегда они покрыты светлым ангобом. На одной из стенок сохранилось крестообразное граффити (рис. 17,22).

3. «Причерноморские» круглодонные амфоры с желобчатой поверхностью (рис. 17,1,2,6). В современных классификациях средневековых амфор они обозначаются как тип XVI по ХК-71 [56, с. 90], вариант 2 по Якобсону [60, с. 31, рис. 13,1-4], класс 36 и 38 по ХК-95 [57, с. 60-61, табл. 23,128-129; 28,132], типы 23, 25 (?), 27, 41-43 по Сазанову [61, р. 92, 94, 96-97, fig. 2,23(3),25(3),27(3); 4,41-43]. По форме профильных частей им близки амфоры с гладким корпусом типа XIX по ХК-71 [56, с. 91, рис. 19], класса 37 по ХК-95 [57, с. 61, табл. 23,130-131], типа 40 по Сазанову [61, р. 96, fig. 4,40], желобчатые типов 45-47 по Хейсу из комплексов конца VIII – начала X вв. в Сарачханах [16, р. 73, fig. 25,1; 57,33; 58,16; 60,21; 62,23]. Амфоры из «слоя функционирования» здания № 2 имеют невысокое горло и отогнутый валикообразный венчик (диаметр в пределах 6,7-7,8 см), непосредственно к которому или чуть ниже крепились овальные в сечении ручки, с хорошо выделенным продольным ребром и заостренными боковыми гранями, шириной 3,0 см. Амфоры сформованы из рыхлого глиняного теста с обильной примесью шмота и редкими включениями карбонатов. Цвет черепка красный (2,5 YR 5/8).

Оба указанных типа «причерноморских» амфор хорошо известны по раскопкам средневековых памятников Причерноморья. Их хронология определяется в пределах середины VIII – середины XI вв., хотя наиболее активный период использования приходится на IX-X вв. Такие амфоры производились одновременно в многочисленных гончарных центрах, открытых в округе Херсонеса, в горной, южнобережной и юго-восточной частях

Крымского полуострова (всего 35). В то же время картографирование находок показывает, что амфоры с МЗР, доминирующие на памятниках Южной Таврики, численно уступают иным типам «причерноморских» амфор, полученных раскопками в других районах полуострова, в Приазовье и Нижнем Подонье, еще реже они встречаются за пределами указанного региона. Напротив, «причерноморские» желобчатые амфоры количественно преобладают на поселениях в Восточном Крыму, Приазовье и Подонье. Они известны по раскопкам раннеславянских памятников в Поднепровье, поселений в Абхазии, Болгарии, на территории Древней Руси, отдельных городских центров Византии (Константинополь, Спарта). Дополнительного изучения требует вопрос об их позднем появлении, не ранее последней трети IX – начала X вв., в комплексах Херсонеса и отсутствии в культурном слое Сугдеи и Партенита после середины X в. [62, с. 35-44, типы I и II]¹⁵.

4. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В классификациях амфорного материала Северного Причерноморья они известны как тип XX по ХК-71 [56, с. 91-92, рис. 20, 20-21], класс 41 по ХК-95 [57, с. 63-66, табл. 30-32], тип 44 по Сазанову [61, р. 97, fig. 4, 44]. В комплексе эти кувшины представлены лишь семью фрагментами стенок сосудов, сформованных из рыхлого теста с примесью известняка, карасана, пироксена, железистых частиц, приобретшего после обжига темно-коричневый цвет. На двух из них сохранились следы смоления изнутри, что связано, скорее всего, с хранением и перевозкой нефти.

Несмотря на широкое распространение этого типа тарной керамики на памятниках Причерноморья, гончарные центры по его производству до сих пор не обнаружены. Наиболее вероятным районом изготовления таких кувшинов следует признать Таманский (Таматарха и его округа) и, возможно, Керченский полуостров. Общая датировка высокогорлых кувшинов на сегодняшний день определяется в диапазоне конца IX – конца XI вв., период наиболее активного их использования приходится на X – середину XI вв., когда они преобладают среди тарной керамики в археологических комплексах. Данная хронология подтверждается, прежде всего, стратиграфией многослойных памятников, таких как Херсонес, Сугдея, Боспор, Саркел, Таматарха, Константинополь, а также датировками нескольких десятков закрытых археологических комплексов, известных по раскопкам городских и сельских

¹⁵ Там же содержится подробная библиография вопроса и наиболее полная сводка опубликованных археологических комплексов с «причерноморскими» амфорами. Из работ, появившихся позднее, отметим монографию В.Н. Чхаидзе, посвященную материальной культуре Таманского городища «хазарского» периода, а также издание таких амфор, найденных случайно либо в комплексах, из раскопок Кыз-Кермена, Сугдеи, Героевки-6, Кеп и Фанагории [63, с. 144-151, типы А-Д; 64, с. 496, рис. 10, 1; 65, с. 420-440; 66, с. 115-131; 67, с. 393-428; 75, с. 262, рис. 3, 1-3].

поселений средневековой Таврики [68, с. 50-57]¹⁶. В то же время необходимо отметить наблюдение А.В. Сазанова о том, что наиболее ранними монетами в комплексах с высокогорлыми кувшинами являются монеты императора Василия I (867-886) (Херсонес, Саркел), что закономерно превращает их в своеобразные маркеры начального этапа производства данного типа тарных сосудов, приблизительно в 860-880-е гг. [71, с. 105-106]. Несколько забегаая вперед, отметим, что для датировки интересующего нас яруса застройки в районе церкви Св. Константина это наблюдение, с учетом немногочисленности находок высокогорлых кувшинов в комплексах и кратковременности функционирования сооружений, приобретает решающее значение, позволяя ограничить ее в пределах второй половины IX – начала X вв.

5. **Вьючные фляги** (баклажки, баклаги) (рис. 18,2). Представлены в комплексе единственным фрагментом стенки с росписью линиями красного ангоба. Глиняное тесто, плотное, с редкими включениями карбонатов, после обжига приобрело красновато-желтый цвет (5 YR 7/6). Такие фляги известны по раскопкам, прежде всего, поселений, городищ и некрополей салтово-маяцкой археологической культуры на территории Крыма, Прикубанья, Приазовья и Подонья, где они датируются в широких пределах второй половиной VIII – серединой X вв. Их производство было налажено в Южной Таврике. Исследованы, по крайней мере, пять гончарных центров на южном берегу Крыма (Чабан-Куле, Канакская балка, Мисхор, Ливадия, Сотера), где присутствуют следы производственного брака данной группы керамических изделий [76, с. 58-60]¹⁷.

Кухонная керамика представлена двумя группами изделий:

1. Преобладают **неорнаментированные горшки, изготовленные на ручном гончарном каруге**, с характерными следами шамотированной подсыпки на дне (рис. 17,24,27-28,30-31). Глиняное тесто, рыхлое, с обильной примесью шамота и песка. Обжиг изделий неравномерный, поверхность и сколы темного, серого либо коричневого оттенков (2,5 YR 5/8; 2,5 YR 6/8). Профильные части, помимо плоских доньев, представлены обломками отогнутых венчиков с округлым либо плоскосрезанным краем диаметром от 13,5 до 17 см. Такие горшки, несомненно, местного изготовления, характерны для группы кухонной керамики во всех опубликованных археологических комплексах интересующего нас периода времени из раскопок Мангупского городища [37, с. 140-141, рис. 6,9-11; 39, с. 402, рис. 24,9; 27,11,13; 31,1,4-5; 45, с. 336, рис. 4,2,5-6].

¹⁶ Здесь же содержится подробный анализ вопросов, связанных с атрибуцией, происхождением, хронологией, функциональным назначением и ареалом высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Из неучтенных в библиографии работ отметим монографию и ряд специальных статей В.Н. Чхаидзе [см.: 63, с. 161-173; 69, с. 368-374; 70, с. 398-419].

¹⁷ За пределами указанного региона подобные, но не идентичные морфологически, фляги встречаются в Венгрии и особенно часто в Болгарии, где продолжают использоваться вплоть до XIV в. [77, с. 320, обр. 3,11; 5,15; 78, с. 191-192, табл. I,1-4; IV].

По структуре черепка и морфологии профильных частей им наиболее близки кухонные горшки из раскопок Кыз-Кермена, украшенные иногда врезной волнистой линией, где они датируются в пределах существования поселения (IX в.) [72, с. 140, рис. 15; 73, с. 55, рис. 10, 1-5; 74, с. 200, 214-215, рис. 10, 1; 21]. В то же время заметим, что поиск аналогий затрудняется не только общей слабой разработанностью типологии бытовой керамики Юго-Западного Крыма VIII-XI вв., но и отсутствием ее унифицированного описания в уже изданных работах.

2. Единичны фрагменты **гончарной салтово-маяцкой керамики**, которая представлена в комплексе фрагментами сероглиняного горшка с шаровидным корпусом и сильно отогнутым венчиком с плоским краем и коричневоглиняного сосуда закрытого типа с ойнохоевидным венчиком. Глиняное тесто плотное с включениями известняка, песка и шамота. Снаружи изделия украшены гребенчатым, соответственно горизонтально-волнистым и линейно-горизонтальным орнаментом (рис. 17, 34-36). В отличие от сосудов с ойнохоевидным венчиком, достаточно редко представленных в публикациях, сероглиняные шаровидные горшки с гребенчатым горизонтально-волнистым орнаментом хорошо известны по результатам раскопок салтово-маяцких памятников Подонья, Приазовья и Крыма. Их типологические особенности выделены в работах С.А. Плетневой, И.А. Баранова, К.И. Красильникова, В.В. Майко, Л.Ю. Пономарева [85, с. 220-222, рис. 9; 86, с. 20-24, рис. 11 (тип А); 79, с. 106-107, рис. 25, 10; 49, с. 96 (тип I, вариант Б), рис. 32; 80, с. 174 (подтип Б), рис. 7; 81, с. 196-199; 63, с. 184-187 (тип А), рис. 100-101; 87, с. 67-72]. По мнению К.И. Красильникова и В.В. Майко, они являются характерной группой кухонной гончарной керамики на позднем этапе существования салтово-маяцкой археологической культуры, во второй половине IX – первой половине X вв. [80, с. 174; 81, с. 197].

Комплекс столовой керамики из «слоя функционирования» здания № 2 состоит в основном из фрагментов плоскодонных одноручных кувшинов с яйцевидным корпусом и воронковидным ойнохоевидным горлом, завершающимся плоским (сплюсненным) венчиком, часто скошенным вовнутрь, диаметром около 10 см. Такие сосуды, украшенные линейной или линейно-волнистой росписью светлым ангобом, в литературе обычно атрибутируются как **кувшины «скалистинского» типа** (рис. 17, 25-26, 29, 32-33, 37-38). Изготовлены из плотного хорошо отмученного глиняного теста с примесью карбонатов, приобретенного после обжига красновато-коричневый (2,5 YR 4/4) либо светло-красный (2,5 YR 6/6; 2,5 YR 6/6; 2,5 YR 6/8) цвет. Снаружи сосуды покрыты жидким светлым ангобом. Кувшины «скалистинского» типа являются хорошо известным типом бытовой керамики на средневековых памятниках Крыма, Подонья и Приазовья. Их общая хронология укладывается в пределах VI-XI вв. Наиболее вероятным местом производства остается округа Баклы [82, с. 60-63]. Это подтверждается, во-первых, находкой здесь единственного достоверного

производственного брака таких кувшинов [83, с. 221, рис. 4], во-вторых, рядом с городищем находится Скалистинский могильник, откуда происходит не имеющая аналогов по своему разнообразию и обширности коллекция ойнохойных кувшинов (всего 296 экземпляров) [84, с. 191].

Кроме этого, в состав группы столовых изделий входят обломки сосудов, полный облик которых, ввиду фрагментарности находок, не поддается реконструкции:

1. Клювовидный венчик (диаметр 9,0 см) от красноглиняного (2,5 YR 6/6) кувшина, сформованного из плотного глиняного теста с примесью карбонатов и покрытого светлым ангобом (рис. 17,20).

2. Желобчатая ручка (ширина 3,2 см) от сероглиняного сосуда из плотного глиняного теста без визуально определяемых примесей (рис. 17,19).

3. Фрагмент стенки коричневоглиняного (5 YR 5/8) сосуда с прилепом конического носика диаметром около 3,0 см (рис. 18,1). Глиняное тесто рыхлое с примесью шамота и частиц известняка.

Индивидуальные находки представлены костяным астрагалом с двумя отверстиями под свинцовую заливку (рис. 18,3), плоским пряслищем округлой формы из мергеля (рис. 18,4), мелкими фрагментами оконного стекла и рюмок (?) из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 18,5-6), а также железных изделий (гвоздей, ножей, пластин неясного назначения) (рис. 18,8). Встречаются куски стеклянного шлака и крицы. Отдельно отметим хорошей сохранности бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы эллинистического времени (рис. 18,7).

Проведенный анализ археологического материала из «слоя функционирования» здания № 2 позволяет довольно уверенно датировать образование комплекса в пределах конца IX – начала X вв. Основанием для такой узкой датировки служит не только присутствие в нем немногочисленных фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и сероглиняных шаровидных салтово-маяцких горшков с гребенчатым горизонтально-волнистым орнаментом, соответствующим начальному этапу их распространения в Таврике, но и уже отмеченные стратиграфические наблюдения, к числу которых следует отнести, прежде всего, кратковременность функционирования постройки. К сожалению, в рассматриваемом комплексе отсутствуют монеты. Впрочем, все нумизматические находки из раскопок III яруса застройки в районе церкви Св. Константина (см. Приложение) относятся к разряду переотложенного археологического материала и не могут повлиять на его общую хронологию.

«Пол» здания № 2 (рис. 3; 6; 9-10; 14). Стратиграфически является слоем нивелировочной засыпи внутреннего пространства строения под уровень подошвы стен. Нижним горизонтом «пола», чтобы избежать его просадки, служила сплошная каменная забивка, выровненная затем коричневым плотным грунтом. Жилая поверхность фиксируется благодаря пятнам известко-

вой обмазки и глины, горизонтально лежащим фрагментам керамики и мергельных плиток. Общая мощность слоя достигает 0,3 м.

Археологический комплекс находок представлен в основном фрагментами керамики (всего 557), среди которой преобладают, как обычно, обломки тарных изделий:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	99	17,8
2	Тарная керамика	310	55,7
3	Кухонная керамика	115	20,6
4	Столовая керамика	33	5,9

Около 30% керамики не имеет точной хронологической атрибуции, в первую очередь, фрагменты керамид и калиптеров двух вышеописанных технологических групп. 41,8% находок в комплексе составляют обломки материала ранневизантийского времени («примесь снизу») – амфор типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типов 72, 95 и 100 по Зеест, типа LRA 1 и 2, лепных сосудов с лощеной поверхностью и краснолаковых изделий (рис. 20,6). К этому же периоду относятся: медная монета римского времени плохой сохранности (см. Приложение), а также, скорее всего, фрагменты овальной рамки от бронзовой пряжки (рис. 20,10), сероглиняное усеченно-коническое пряслице с лощеной поверхностью (рис. 20,7) и плитка из белого мрамора. Датирующий характер носит 29% артефактов (165 фрагментов), процентное соотношение которых приведено в специальной таблице:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Пифосы	1	0,6
2	«Причерноморские» яйцевидные амфоры с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса	47	28,5
3	«Причерноморские» желобчатые амфоры	6	3,6
4	Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками	8	4,8
5	Фляги	1	0,6
6	Неорнаментированные гончарные горшки	74	44,9
7	Кувшины с росписью линиями ангоба	28	17

Пифосы представлены единственным фрагментом стенки с гребенчатым арочным орнаментом от ангобированного красноглиняного (5YR 5/6) сосуда, сформованного из плотного теста с редкой примесью карбонатов и шамота (рис. 19,7). Группа амфор включает **«причерноморские» амфоры** уже

описанных типов – с желобчатой поверхностью и с МЗР в верхней части корпуса (рис. 19,1,2,4). Особо отметим археологически целый экземпляр яйцевидной амфоры с МЗР высотой 47 см, с коническим горлом высотой 10 см, завершающимся плоскосрезанным с внутренней западиной венчиком диаметром 8,0 см. Ручки, овальные в сечении, с продольным ребром шириной 3,0 см, крепятся в средней части горла. Глиняное тесто плотное, с обильной примесью карбонатов. Черепок светло-коричневого цвета (7,5 YR 6/4) снаружи покрыт светлым ангобом (рис. 19,5). Из слоя извлечены немногочисленные обломки **высокогорлых кувшинов**, в том числе фрагмент стенки с прилепом широкой плоской ручки. Глиняное тесто плотное с включениями известняка, пироксена, песка и шамота (рис. 19,6). Красноглиняные **вьючные фляги** (5 YR 6/6) представлены лишь одним фрагментом стенки (рис. 19,4).

Особенностью керамического комплекса из «пола» здания № 2 является преобладание бытовой керамики (более 60%). Кухонные изделия характеризуют фрагменты **неорнаментированных шаровидных горшков** с отогнутым округлым венчиком (диаметр 15,0 см), изготовленных на ручном гончарном круге с сохранившейся шамотированной подсыпкой на плоском дне. Глиняное тесто рыхлое с примесью шамота и песка. Обжиг изделий неравномерный, поверхность и сколы серого либо коричневого оттенков (5 YR 4/6) (рис. 20,1-2). Столовая посуда представлена обломками красноглиняных (2,5 YR 6/8; 5 YR 6/8) **кувшинов с росписью линиями светлого либо красного ангоба**, изготовленных из плотного теста с примесью карбонатов (рис. 19,3; 20,4-5).

Среди невыразительных индивидуальных находок отметим плоскую округлой формы (диаметр 6,5 см) крышку из стенки красноглиняного калиптера плотного теста с примесью известняка (рис. 20,11), фрагмент красноглиняной (2,5 YR 6/4) плоской круглой подставки (рис. 20,12) и мелкие обломки стеклянных сосудов (рис. 20,8-9).

Общее преобладание в комплексе «причерноморских» амфор с МЗР в верхней части корпуса и неорнаментированных кухонных горшков, изготовленных на ручном гончарном круге, в совокупности с наличием немногочисленных фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками позволяет отнести время его формирования и соответственно сооружения здания № 2 ко второй половине – концу IX в.

«Пол» здания № 5 (рис. 3-5; 7; 11-12; 16). Как и в здании № 2, представляет фактически единовременную нивелировочную засыпь внутреннего пространства постройки, произведенную под уровень подошвы стен светло-серым плотным грунтом, насыщенным щебнем и известью. Мощность слоя 0,3 м. Поверхность земляного «пола» здания была дополнительно покрыта известковой обмазкой, сохранившейся местами в виде сплошной «корки».

Археологический комплекс находок представлен, как обычно, фрагментами керамики (всего 1202), среди которой преобладают обломки тарный изделий:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	229	19
2	Тарная керамика	717	59,7
3	Кухонная керамика	160	13,3
4	Столовая керамика	96	8

Характеризуя его, следует отметить, что около 40% находок осталось без точной хронологической атрибуции. Помимо черепицы, это относится, главным образом, к бытовой керамике, где 50-60% материала имеет очень плохую сохранность, не давая возможности уверенно судить о морфологии изделий и вести продуктивный поиск аналогий ему за пределами Мангупа. Из находок же, атрибуция которых не вызывает затруднений, значительная часть фрагментов (около 45%) принадлежит группе изделий ранневизантийского времени («примесь снизу») – амфорам типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типов 72, 95 и 100 по Зеест, типа LRA 1 и 2, лепным сосудам с лощеной поверхностью и краснолаковым изделиям. Только 15% керамики (174 фрагмента) носит датирующий характер. Процентное соотношение основных категорий этого археологического материала приведено в нижеприведенной таблице:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	«Причерноморские» амфоры	101	58
2	Сосуды с горизонтальным прилепом ручки	1	0,6
3	Неорнаментированные гончарные горшки	27	15,6
4	Салтово-маяцкая керамика	11	6,3
5	Кувшины «скалистинского» типа	28	16
6	Шаровидные горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки	5	2,9
7	Глазурованная керамика группы GWW-I	1	0,6

Среди амфорного материала абсолютно преобладают (более 85%) яйцевидные **«причерноморские» амфоры с МЗР** в верхней части корпуса (рис. 21,1-3). Редкими фрагментами представлены **«причерноморские» желобчатые амфоры**. Из близкого глиняного теста (плотного с примесью карбонатов) сформованы красноглиняные сосуды, от которых сохранились плоское вогнутое дно (рис. 21,9) и стенка с горизонтальным прилепом плоской ручки (рис. 21,10), что позволяет отнести их к датирующим находкам.

Группу кухонной керамики составляют, во-первых, уже описанные **неорнаментированные шаровидные горшки** с отогнутым округлым венчиком

(диаметр 15,0 см), изготовленные на ручном гончарном круге с сохранившейся шамотированной подсыпкой на плоском дне (рис. 22,3,7,9-12). Отдельно отметим редкую форму рельсовидного венчика диаметром 18,0 см от коричневоглиняного (5 YR 5/8) горшка из плотной формовочной массы с включениями песка, карбонатов, толченой гальки (рис. 22,5). Во-вторых, **керамика салтово-маяцкого типа**, изготовленная на ручном гончарном круге, либо подправленная на нем. Представлена следующими категориями изделий:

1. Шаровидные гончарные горшки со сплошным гребенчатым линейно-горизонтальным рифлением корпуса (рис. 22,1-2), сформованные из рыхлого глиняного теста с включениями известняка, песка, крупных дробин шамота. Обжиг сосудов неравномерный, поверхность и сколы имеют серый, темный, местами красновато-коричневый цвет (5 YR 6/4). Это одна из наиболее распространенных разновидностей салтово-маяцкой кухонной керамики [85, с. 220-222; 86, с. 20-24; 49, с. 93-96, рис. 31; 80, с. 174, рис. 6 (подтип А); 63, с. 184-187]. На материалах Подонья подобные изделия датируются в пределах IX в. [80, с. 174]. По мнению В.В. Майко, они характерны для горизонтов и комплексов второй половины VIII – первой половины IX вв. салтово-маяцких поселений в Крыму [81, с. 197].

2. Горшки с пальцевыми вдавлениями («защипами») по отогнутому округлому венчику (рис. 22,6,8). Глиняное тесто рыхлое, с крупными включениями дресвы и шамота, напоминающее формовочную массу лепных сосудов. Обжиг неравномерный. Скол и внешняя поверхность изделий имеют серый или темный цвет, изнутри черепок красновато-желтого оттенка (7,5 YR 6/6). Поиск прямых аналогий таким сосудам в литературе крайне затруднен. В свое время С.А. Плетнева отметила подобную орнаментацию венчиков на лепной керамике из раскопок салтово-маяцких поселений и городищ Подонья и Приазовья [85, с. 14, рис. 7 (тип Б); 79, с. 104]. По замечанию К.И. Красильникова, изготовление лепной посуды в Подонье продолжалось вплоть до IX в. [80, с. 172]. Однако горшки из нашего комплекса были, по крайней мере, подправлены на ручном гончарном круге. В этой связи чрезвычайно полезным является наблюдение В.В. Майко о значительном разнообразии орнаментации салтово-маяцкой гончарной керамики в Крыму на первом этапе ее существования, во второй половине VIII – первой половине IX вв. [81, с. 197]. Очевидно, находки из раскопок Мангупа подтверждают этот тезис¹⁸.

3. Коричневоглиняный (5 YR 5/6) гончарный сосуд закрытого типа с ойнохоевидным венчиком (рис. 22,4). Глиняное тесто плотное с включениями песка, карбонатов, мелко дробленого шамота. Поверхность украшена

¹⁸ Наиболее ранние примеры лепных и гончарных горшков с орнаментацией в виде пальцевых вдавлений, в том числе «защипов», по венчику опубликованы В.В. Майко [88, с. 25-26, рис. 9,2-4,11; 10,2,10]. Выражаем искреннюю признательность автору за обсуждение данного вопроса.

гребенчатым линейно-горизонтальным орнаментом. Фрагмент аналогичного сосуда происходит из «слоя функционирования» здания № 2 (рис. 17,34). Как уже отмечалось, такая салтово-маяцкая керамика датируется второй половиной IX – первой половиной X вв.

Столовая посуда из «пола» здания № 5 подразделяется на три категории:

1. **Кувшины «скалистинского» типа** VI-XI вв. (рис. 21,4,6,8), изготовленные из плотного хорошо отмученного глиняного теста с примесью карбонатов, приобретшего после обжига красный (2,5 YR 5/6) либо светло-красный (2,5 YR 6/6) цвет. Снаружи они покрыты жидким светлым ангобом, поверх которого украшены линейно-арочной росписью линиями белого ангоба.

2. Невысокие **шаровидные горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки**. Из нашего комплекса происходят фрагменты стенок и венчиков от двух таких сосудов. Один сформован из плотного глиняного теста с примесью карбонатов и песка, приобретшего после обжига красный цвет (2,5 YR 5/8) (рис. 21,7). Черепок другого горшка красновато-желтый (7,5 YR 7/6), рыхлый по структуре, с примесью крупных дробин шамота (рис. 21,5). Морфологически оба сосуда имеют практически невыделенное горло, которое завершается отогнутым округлым венчиком диаметром около 13,0 см. Непосредственно к венчику крепилась уплощенная ручка шириной в пределах 2,0-2,7 см, с характерным пальцевым вдавлением в месте прилепа. По замечанию Л.В. Седиковой, такой прием крепления ручки распространяется среди столовой посуды на Крымском полуострове, начиная с VIII-IX вв. [89, с. 135; 90, с. 322]. На сегодняшний день на материалах Херсонеса, Боспора и отдельных салтово-маяцких могильников на Северском Донце (Червона Гусаровка, Красная Горка) подобные сосуды датируются второй половиной VIII – началом IX – XI вв. Помимо названных памятников, они известны также по раскопкам некоторых салтовских поселений Северо-Западного и Восточного Крыма [82, с. 63-64].

3. **Глазурованная керамика группы GWW-I** представлена только одной стенкой от коричневоглиняного сосуда, сформованного из рыхлого глиняного теста с примесью карасана, песка, слюды, снаружи покрыта глазурью желтого цвета. Фрагментарность находки не позволяет уверенно реконструировать форму изделия. Отметим лишь, что византийская поливная керамика данной группы из раскопок Мангупского городища датируется пока в общих пределах ее бытования, то есть VII – первой половиной IX вв. [41, с. 172-180].

Среди индивидуальных находок в комплексе отметим темноглиняное биконическое пряслице (рис. 22,14), пряслице из мергеля (рис. 22,13), фрагмент дна на кольцевом поддоне от рюмки (?) из зеленого прозрачного стекла (рис. 22,15) и три медные монеты, выпущенные в правление императоров Галерия (305-311), Аркадия (395-408) и Юстина I (518-527) (см. Приложение).

Хронология представленного археологического комплекса основывается, главным образом, на преобладании в нем «причерноморских» амфор с МЗР,

наличии различных хронологических групп салтово-маяцкой керамики и отсутствия среди материала высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Это позволяет датировать его образование и соответственно сооружение здания № 5 временем около середины IX в.

«Пол» хозяйственного помещения к юго-западу от комплекса здания № 2 и 5 (рис. 3; 4; 8; 13; 15). Как уже было отмечено, планиграфически это наиболее позднее помещение исследованного строительного комплекса. Его «полом» являлась поверхность нивелировочной засыпи внутреннего пространства темно-коричневым плотным грунтом, насыщенным углями, пятнами золы, извести и прослойками («наплывами») светлой глины, напоминающей по структуре и цвету связующий раствор, на котором были сложены стены постройки. В процессе ее функционирования поверхность засыпи покрывалась известковой обмазкой. Общая мощность слоя достигала 0,45 м.

Археологический комплекс находок представлен фрагментами керамики (всего 1099), среди которой преобладают обломки тарных сосудов:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	75	6,8
2	Тарная керамика	809	73,6
3	Кухонная керамика	134	12,2
4	Столовая керамика	81	7,4

Отметим, что около 20% находок не имеют точной хронологической атрибуции. Среди остального археологического материала более 60% составляют артефакты ранневизантийского времени («примесь снизу»). Только 15,5% находок носят датирующий характер. Процентное соотношение основных категорий изделий этого комплекса приведено в таблице ниже:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	«Причерноморские» амфоры с МЗР	81	47,4
2	Неорнаментированные кухонные горшки	46	26,9
3	Кухонные горшки с рельсовидным венчиком	5	2,9
4	Кувшины с росписью линиями светлого ангоба	39	22,8

Из нее видно явное преобладание тарной керамики, представленной исключительно фрагментами **«причерноморских» амфор с МЗР** второй половины VIII – XI вв. (рис. 23, 1-4). В их число включен идентичный по структуре глиняного теста обломок стенки **«причерноморской» амфоры, украшенной чередующимися зонами мелкого линейного и волнистого рифления**, выполненного мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 23, 5). Черепок плотный, с мелкими включениями карбонатов, светло-коричневого

цвета (7,5 YR 6/4), снаружи покрыт ангобом розоватого тона (7,5 YR 7/3). Такие амфоры принадлежат к числу разновидностей «причерноморских» амфор, изредка встречающихся, главным образом, на памятниках Южной и Юго-Западной Таврики (Херсонес, Мангуп, Кыз-Кермен, Горный Ключ, Партенит, Симеиз), реже в восточной части полуострова (Героевка, Тиритака). В существующих классификациях средневековых амфор они обозначены как тип XV по ХК-71, класс 25 по ХК-95, тип 39 по Сазанову [56, с. 89-90, рис. 16; 57, с. 52, табл. 23,96; 61, р. 96]. На основании опубликованных материалов Херсонеса, Мангупа, Кыз-Кермена, Партенита, они могут быть датированы серединой VIII – первой половиной X вв. [62, с. 48-49 (тип IV)]. Однако необходимо заметить, что этот вывод носит предварительный характер. Так, по результатам анализа недавно изданных материалов раскопок «хазарского» слоя Тиритаки немногочисленные находки амфор с мелким зональным линейно-волнистым рифлением происходят только из комплексов второй половины IX – начала первой половины X вв. [62, с. 48, 75]. Наша находка, вероятно, также может свидетельствовать в пользу более поздней, в рамках отмеченного периода, хронологии данного типа «причерноморских» амфор¹⁹.

Среди кухонной посуды, обнаруженной в «полу» помещения, не найдена керамика салтово-маяцкого типа. Данная группа изделий включает две разновидности гончарных сосудов:

1. Традиционные **неорнаментированные шаровидные горшки** с отогнутым округлым венчиком, изготовленные на ручном гончарном круге с сохранившейся шамотированной подсыпкой на плоском дне (рис. 23,6-8).

2. Одноручные **шаровидные горшки с рельсовидным венчиком** (под крышку) диаметром 12,0 см (рис. 23,9), сформованные из плотного глиняного теста с примесью карбонатов, песка, шамота. Цвет черепка неравномерный, от серого до коричневого оттенков (7,5 YR 5/3). В публикациях точных аналогий таким сосудам обнаружить не удалось. Скорее всего, они являются разновидностью кухонных горшков с отогнутым венчиком с выступом на его внутренней стороне (под крышку) и пальцевым вдавлением в месте прилепа уплощенной ручки, которые известны по раскопкам Алустана и Херсонеса в культурных горизонтах и комплексах IX-X вв. [90, с. 172, рис. 6,9-13,15-16; 92, с. 123, рис. 2,1,4; 93, с. 323-324, рис. 8,7-16 (тип II); 94, с. 90, рис. 33,2; 95, с. 51, рис. 3,14].

Столовая керамика представлена фрагментами стенок **кувшинов «скалестинского» типа**, украшенных линейно-арочной росписью линиями светлого ангоба (рис. 23,12), а также обломками ангобированных красноглиняных кувшинов с клювовидным венчиком, сформованных из плотного глиняного

¹⁹ Косвенно это наблюдение подтверждается результатами охранных раскопок поселения у подножия Мангупского городища, где в комплексе второй половины – конца IX в. такие амфоры составляли 24% от общего числа керамических находок [45, с. 326-329, рис. 2,7-16].

теста с редкими включениями карбонатов, которое после обжига приобрело светло-красный (2,5 YR 6/8) цвет (рис. 23,10-11). Среди индивидуальных находок в слое отметим известняковую крышку (рис. 23,13) и фрагмент биконического темноглиняного пряслица с лощеной поверхностью (рис. 23,14).

Датировка рассматриваемого комплекса опирается не только на хронологию описанных амфор и бытовой керамики, но и на уже отмеченные общие планиграфические и стратиграфические наблюдения, сделанные во время раскопок памятника. Наиболее вероятная дата сооружения и использования хозяйственного помещения к юго-западу от зданий № 2 и 5 – вторая половина – конец IX в.

Яма № 7. Заполнение (рис. 3; 5; 7). Объект был открыт в ходе зачистки по уровню дневной поверхности в западном углу здания № 5. Очевидно, что яма была сооружена уже после строительства здания, так как она оказалась засыпанной грунтом, идентичным по цвету земляному «полу», но несколько более рыхлым по структуре. Мощность засыпи 0,2-0,3 м, находки из нее отражают поздний этап функционирования здания № 5.

Археологический комплекс из заполнения ямы представлен фрагментами керамики (всего 213), среди которой преобладают обломки тарных изделий:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	92	43,2
2	Тарная керамика	85	39,9
3	Кухонная керамика	20	9,4
4	Столовая керамика	16	7,5

Как уже отмечалось, типология раннесредневековой строительной керамики, которая составляет почти половину находок в комплексе, остается недостаточно разработанной, что заставляет нас исключить ее из числа датирующего материала. Также трудно уверенно выделить находки интересующего нас периода времени среди невыразительных фрагментов кухонной посуды. Среди атрибутированного материала (79 фрагментов) порядка 40% составляют артефакты ранневизантийского времени – амфоры типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1 и 2, лепные сосуды с лощеной поверхностью («примесь снизу»). Остальные носят датирующий характер:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	«Причерноморские» амфоры с МЗР	9	19,6
2	«Причерноморские» желобчатые амфоры	22	47,8
3	Шаровидные горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки	15	32,6

Большая часть находок представлена фрагментами двух наиболее распространенных на памятниках Северного Причерноморья и Крыма, в частности, типов **«причерноморских» амфор** середины VIII – середины XI вв. При этом отметим необычное для раскопок Мангупского городища явное преобладание красноглиняных (2,5 YR 6/4) амфор с желобчатой поверхностью, сформованных из рыхлого, плохо промешанного глиняного теста с обильной примесью шамота и редкими включениями частиц известняка. Из заполнения ямы № 7 извлечен фрагмент горловой части с отогнутым валикообразным венчиком диаметром 7,5 см, чуть ниже которого крепились ручки, овальные в сечении, со слабо выраженным продольным ребром, шириной 3,2 см (рис. 18,9).

Все атрибутированные фрагменты бытовой керамики в комплексе принадлежат **шаровидным горшкам с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки** второй половины VIII – начала IX – XI вв., подробно описанные при анализе археологических материалов из «пола» здания № 5. Отметим лишь обломок красноглиняного (2,5 YR 5/6) венчика, сформованного из плотного теста с примесью песка и мелких карбонатов, покрытого светлым ангобом (рис. 18,10). На отдельных фрагментах стенок таких сосудов сохранилась роспись линиями светлого ангоба.

С учетом широкой хронологии датирующих находок в засыпи ямы ее датировка опирается на общие наблюдения, сделанные в ходе изучения других закрытых археологических комплексов данного яруса застройки в районе церкви Св. Константина. Напомним, что здание № 5 было построено около середины IX в., окончательно заброшено в конце IX – начале X вв. Таким образом время сооружения и засыпь ямы № 7 могут быть отнесены ко второй половине или, скорее, к концу IX в., незадолго до прекращения функционирования строительного комплекса.

Периодизация и этнокультурная атрибуция комплекса зданий 2 и 5.

Общая хронология комплекса не выходит за пределы середины IX – начала X вв. Стратиграфические и планиграфические наблюдения во время раскопок, дополненные изучением находок из закрытых археологических комплексов, позволяют довольно уверенно реконструировать последовательность возведения отдельных помещений постройки. Наиболее ранним из них является здание № 5, построенное около середины IX в. Позднее, во второй половине IX в., ближе к концу столетия, сооружаются здание № 2 и хозяйственное помещение. Приблизительно в конце IX – начале X вв., но не позднее, строительный комплекс прекращает функционирование. Плохая сохранность постройки свидетельствует об активной разборке ее стен на строительный материал.

Этнокультурная атрибуция памятника лишь на первый взгляд не вызывает особых затруднений. Наличие среди вещественных находок фрагментов кухонной гончарной посуды со сплошным гребенчатым рифлением, не имеющей генетической связи с местной бытовой керамикой позднеримского

и ранневизантийского времени, а также ряд строительных приемов, использованных при возведении постройки (ее общая заглубленность относительно окружающей дневной поверхности; установка стен непосредственно на грунт либо обкладка камнем бортов котлованов; элементы техники кладки «в елку»), позволяют довольно уверенно связать ее с носителями салтово-маяцкой археологической культуры²⁰. В таком случае близкие аналогии нашему комплексу необходимо искать среди домов-пятистенки, раскопанных, прежде всего, в Юго-Восточном и Восточном Крыму, где, по мнению И.А. Баранова и Л.Ю. Пономарева, с IX в. такой тип сооружений доминирует, постепенно вытесняя из употребления полуземлянки и однокамерные дома [49, с. 48-52; 96, с. 410-411; 97, с. 268-269].

Однако, здание, открытое на Мангупе, не может принадлежать к числу классических примеров такой эволюции. Во-первых, салтово-маяцкая керамика не является здесь преобладающей группой археологического материала, даже среди найденной кухонной посуды. Во-вторых, ряд конструктивных приемов, которые были использованы при возведении постройки (связующий раствор; использование обработанных блоков по углам и в дверных проемах, крупных камней в нижних рядах кладки; перевязь углов строений; техника трехслойной, двупанцирной с забутовкой кладки), не характерны в целом для салтовцев и, как отмечалось выше, связаны с традициями провинциально-византийской строительной культуры. Наконец, в-третьих, судя по хронологии комплекса (середина IX – начало X вв.), его появление и функционирование отражает начальный этап фемного периода в истории Мангупского городища, отмеченный постепенным ослаблением политического и территориального присутствия Хазарского каганата в Таврике и укреплением позиций Византии на полуострове.

Следует заметить, что наблюдаемая двойственность материальной культуры, сочетающей в себе салтово-маяцкие и провинциально-византийские элементы, при явном преобладании последних, наблюдается и на многих других памятниках конца VIII – X вв. в Южной Таврике (Бакла, Кыз-Кер-

²⁰ В настоящей работе мы не касаемся дискуссионного вопроса происхождения так называемой кладки «в елку» или техники *opus spicatum*. На сегодняшний день одни исследователи традиционно связывают распространение этого строительного приема на Тамани и в Таврике с территориальной экспансией «салтовцев», населения Хазарского каганата [79, с. 49, 63; 49, с. 45; 52, с. 189], другие отрицают эту гипотезу [63, с. 115-118; 100, с. 117-148; 101, с. 32]. Со своей стороны заметим, что в дальнейшем результативность обсуждения данной проблемы во многом будет зависеть от появления в работах сторонников последней точки зрения детальной сводки примеров использования техники *opus spicatum* в Северном Причерноморье в римское и ранневизантийское время, без которой их аргументы носят, по большей части, декларативный характер. Пока же не приходится отрицать широкое распространение кладки «в елку» на памятниках VIII-X вв. в отдельных районах расселения салтово-маяцкого населения (Дагестан, Тамань, Таврика).

мен, Бобровка, Поворотное, Передовое, Гончарное, Горный Ключ, Парте-нит, Сотера и другие)²¹. Эта ситуация может быть объяснена мирной филь-трацией отдельных групп «салтовского» населения в глубинные районы по-луострова, что хорошо видно, как нам кажется, на примере публикуемого памятника. В то же время следует иметь в виду также объяснение подобной структуры археологического комплекса Баклы соответствующего времени, данное В.Е. Рудаковым, предпочитавшим видеть в ней отражение процес-сов проникновения в местную этническую среду элементов салтово-ма-яцкой культуры через торговые контакты и заимствования [102, с. 110-111].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): предварительное сообщение // Материалы VIII Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
2. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
3. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
4. Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
5. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
6. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
7. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
8. Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Памяти В.В. Шкорпила. Керчь, 2003.
9. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.
11. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12.
12. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С. Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
13. Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
14. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953. № 34.

²¹ Подробную сводку таких примеров см.: 98, с. 546, 560. Из относительно недавних работ, не вошедших в нее, отметим, прежде всего, публикацию результатов раскопок поселения в урочище Сотера [99, с. 122].

15. Тиханова М.А. Базилика // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953. № 34.
16. Hayes D.W. Glazed White Wares // Hayes D.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2. The Pottery.
17. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
18. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. VI.
19. Бармина Н.И. Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
20. Бармина Н.И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции. Екатеринбург, 2004.
21. Бармина Н.И. Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36.
22. Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 42. Византия в контексте мировой культуры: К столетию А.В. Банк (1906-1984). Материалы конференции. СПб., 2008.
23. Бармина Н.И. Археологические свидетельства пребывания хазар на Мангупе // Византия и Крым: проблемы городской культуры. Тезисы докладов VIII научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995.
24. Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
25. Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Сб. науч. стат. Симферополь, 1997.
26. Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
27. Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.; Иерусалим, 2001.
28. Vroom J. Playing games in the valley of the Muses. A Medieval board game found in Boeotia, Greece // Pharos. 1999. Vol. VII.
29. Піоро І.С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Київ, 1972. № 14 (Серія Історія).
30. Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь, 2008.
31. Герцен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
32. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
33. Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова. Тез. докл. СПб., 1998.
34. Герцен А.Г. Ранневизантийский период в истории Дороса – Мангупа по археологическим данным // Материалы VII Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос. Керчь, 2006.
35. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамну-бурунский клад монет-имитаций. К датировке Западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988.
36. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
37. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешклибурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
38. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1.

39. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
40. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Сб. науч. стат. Киев, 2006.
41. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангула // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
42. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангула // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
43. Герцен А.Г. Нумизматический спектр Мангула – Дороса // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на ст.н.с. Милко Мирчев. Варна, 2008.
44. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
45. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангула // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. I.
46. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
47. Герцен А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.
48. Герцен А.Г. Бронзовая статуэтка Меркурия из раскопок Мангула // VI Крымская Международная конференция по религиоведению. Символ в философии и религии. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2004.
49. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.
50. Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 1987. Т. 48.
51. Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСб. Севастополь, 1998. Вып. IX.
52. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
53. Айбабин А.И. Крым в VIII-IX вв. Хазарское господство. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
54. Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
55. Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
56. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
57. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
58. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
59. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. М., 1960. № 83.
60. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
61. Sazanov A. Les amphores de l'Antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Aix-de-Provence, 1997.
62. Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).

63. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
64. Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. М., 2006. Вып. 10.
65. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
66. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3.
67. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. № 1(27).
68. Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
69. Чхаидзе В.Н. Изображение амфор-корчаг на одной миниатюре Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи // Stratum plus. 2001-2002. № 5.
70. Чхаидзе В.Н. Высокогорлые кувшины с плоскими ручкам из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
71. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
72. Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
73. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
74. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // БИАС. Симферополь, 2001. Вып. 2.
75. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности. Харьков, 2009. Вып. 8.
76. Науменко В.Е. Фляги // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
77. Димитров Я., Бонев С. Сивата керамика от езическия храм в местността селища в Преслав // Проблеми на прабългарската история и култура. Шумен, 1997. Вип. 3.
78. Алексиев Й. За бъклиците в средновековна България // Българите в Северното Причерноморие. В.Търново, 2000. Т. 7.
79. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. М., 1967. № 142.
80. Красильников К.И. Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita Antiqua. Київ, 1999. № 2.
81. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
82. Науменко В.Е. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
83. Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX-X вв. Баклинского городища // СА. 1975. № 2.
84. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
85. Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. № 75.
86. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

87. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
88. Майко В.В. Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII століття // Українська керамологія. Описне, 2001. Кн. I.
89. Седикова Л.В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
90. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.
91. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
92. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX века из цитадели Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
93. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСБ. Севастополь, 1999. Вып. X.
94. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
95. Майко В.В. К вопросу о зольнике Алустана второй половины X в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
96. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
97. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.
98. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
99. Паршина Е.А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
100. Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3.
101. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
102. Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
103. Nugu G., Boyan S. Roman board game piece in Northern Dobrudja // Peuce. Serie nova. Tulcea, 2009. T. VII.

ОПИСЬ МОНЕТ

из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина²²

№	Место находки	Материал	Атрибуция	Описание
III горизонт застройки				
1	Квадрат В. Здание № 2. «Пол»	Медь	Римская империя. II-III вв. (?). Вероятно, выпуск одного из центров Малой Азии	Диаметр 2,0-2,1 см. Сильно потерта
2	Квадрат И-3. Здание № 5. «Пол»	Медь	Римская империя. Галерий (305-311). Фоллис, выпущенный в г. Никомидии в мастерской №1	На лицевой стороне – портрет правителя и надпись IMP C GAL VAL MAXIMIANUS PP AVG, на оборотной – Гений императора и надпись GENIO AVGVSTI. Под изображением черта и надпись SMNA. Диаметр 2,0-2,1 см. Соотношение осей 6 ч.
3	Квадрат Н. Строительная траншея № 5. Заполнение	Медь	Римская империя (?)	Диаметр 1,2-1,3 см. Полностью стертая монета
4	Квадрат И-3. Здание № 5. «Пол»	Серебро	Византийская империя. Аркадий (395-408)	Фрагмент монеты. Сохранившиеся размеры 1,3x2,1 см
5	Квадрат И-3. Здание № 5. «Пол»	Медь	Византийская империя. Юстин I (518-527). Пентануммий. Выпуск г. Константинополя	На лицевой стороне портрет императора вправо, на оборотной – христорамма. Диаметр 1,1-1,2 см. Соотношение осей 0 ч.
6	Квадрат В, 3-й слой. «Слой разрушения» здания № 2	Медь	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Пентануммий. Чекан г. Константинополя	На аверсе голова Юстиниана I вправо, легенда стерта. На реверсе, в поле, крупная цифра номинала €(5), справа крест. Диаметр 1,4-1,5 см. Соотношение осей 1 ч.

²² Составлена М.М. Чорефом.

Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.

**Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп):
III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.)**

Резюме

Статья продолжает серию публикаций основных результатов археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина, расположенной в центральной части Мангупского плато. Статья посвящена публикации материалов III строительного горизонта, который образуют сооружения хазарского и фемного времени. На площади раскопа они представлены двумя однокамерными зданиями (№№ 2 и 5) со смежной стеной, к которым с юго-запада пристроено хозяйственное помещение, а также тремя ямами и двумя строительными траншеями. Все указанные археологические объекты планиграфически входят в состав единого строительного комплекса общей площадью около 100 кв. м.

Общая хронология памятника не выходит за пределы середины IX – начала X вв. Стратиграфические и планиграфические наблюдения во время раскопок, дополненные изучением находок из закрытых археологических комплексов, позволяют довольно уверенно реконструировать последовательность возведения отдельных помещений. Наиболее ранним из них является здание № 5, построенное около середины IX в. Позднее, во второй половине IX в., ближе к концу столетия, сооружаются здание № 2 и хозяйственное помещение. Приблизительно в конце IX – начале X вв., но не позднее, строительный комплекс забрасывается.

Наличие среди вещественных находок фрагментов кухонной гончарной посуды со сплошным гребенчатым рифлением, не имеющей генетической связи с местной бытовой керамикой позднееримского и ранневизантийского времени, а также ряд строительных приемов, использованных при возведении комплекса, позволяют уверенно связать его с носителями салтово-маяцкой археологической культуры.

Герцен О.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.

**Археологічні дослідження в районі церкви Св. Костянтина (Мангуп):
III горизонт забудови (середина IX – початок X ст.)**

Резюме

Стаття продовжує серію публікацій основних результатів археологічних досліджень ділянки житлової й господарської забудови в районі церкви Св. Костянтина, яка розташована в центральній частині Мангупського плато. Статтю присвячено публікації матеріалів III будівельного горизонту, який утворюють споруди хозарського та фемного часу. На площі розкопу вони представлені двома однокамерними будівлями (№№ 2 і 5) з суміжною стіною, до яких з південного заходу прибудовано господарське приміщення, а також трьома ямами і двома будівельними траншеями. Всі вказані археологічні об'єкти планіграфічно входять до складу єдиного будівельного комплексу загальною площею близько 100 кв. м.

Загальна хронологія пам'ятки не виходить за межі середини IX – початку X ст. Стратиграфічні та планіграфічні спостереження під час розкопок, доповнені вивченням знахідок із закритих археологічних комплексів, дозволяють досить впевнено реконструювати послідовність зведення окремих приміщень. Найбільш ранньою з них є будівля № 5, побудована біля середини IX ст. Пізніше, в другій половині IX ст., ближче до кінця століття, споруджуються будівля № 2 і господарське приміщення. Приблизно наприкінці IX – початку X ст., але не пізніше, будівельний комплекс приходить у занедбаний стан.

Наявність серед речових знахідок фрагментів кухонного гончарного посуду з суцільним гребінчастим рифленням, що не має генетичного зв'язку з місцевою побутовою керамікою пізньоримського і ранньовізантійського часів, а також низка будівельних засобів, що використались при зведенні комплексу, дозволяють впевнено пов'язати його з носіями салтово-маяцької археологічної культури.

Gertzen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. Ye.

**Archaeological Research in the District of St Constantine Church (Mangup):
III Horizon of Building (the mid-9th – the beginning of the 10th centuries)**

Summary

The article continues a series of publications of basic results of archaeological research of the part of dwelling and household build-up in the district of St Constantine situated in the central part of Mangup plateau. The article is devoted to the publication of materials of the III building horizon that form buildings of Khazar and thema period. On the territory of the excavation site they are represented with two one-chamber buildings (№№ 2 and 5) with an adjacent wall to which household premise is build on from the south-west, and three pits and two building ditches as well. All mentioned objects are planigraphically in the content of the single building complex with total area of 100 square meters.

General chronology of the monument does not exceed the mid-9th century – the beginning of the 10th century. Stratigraphic and planigraphic observations during excavations, completed with the research of closed archaeological complexes of finds, enable to reconstruct the sequence of erection of individual premises of the building. The earliest of them is building № 5, built ca mid-9th century. Later in the second half of the 9th century, closer to the end of the century, building № 2 and household premise are built. Ca at the end of the 9th – the beginning of the 10th centuries, not later, the building complex is neglected.

Among material finds, there are fragments of kitchen ceramic houseware with running comb-shaped configuration, which has no genetic relation to the local household pottery dating to Late-Roman and Early Byzantine periods, as well as some building techniques used during the construction of this building enable us to attribute it with bearers of Saltovo-Majaki archaeological culture.

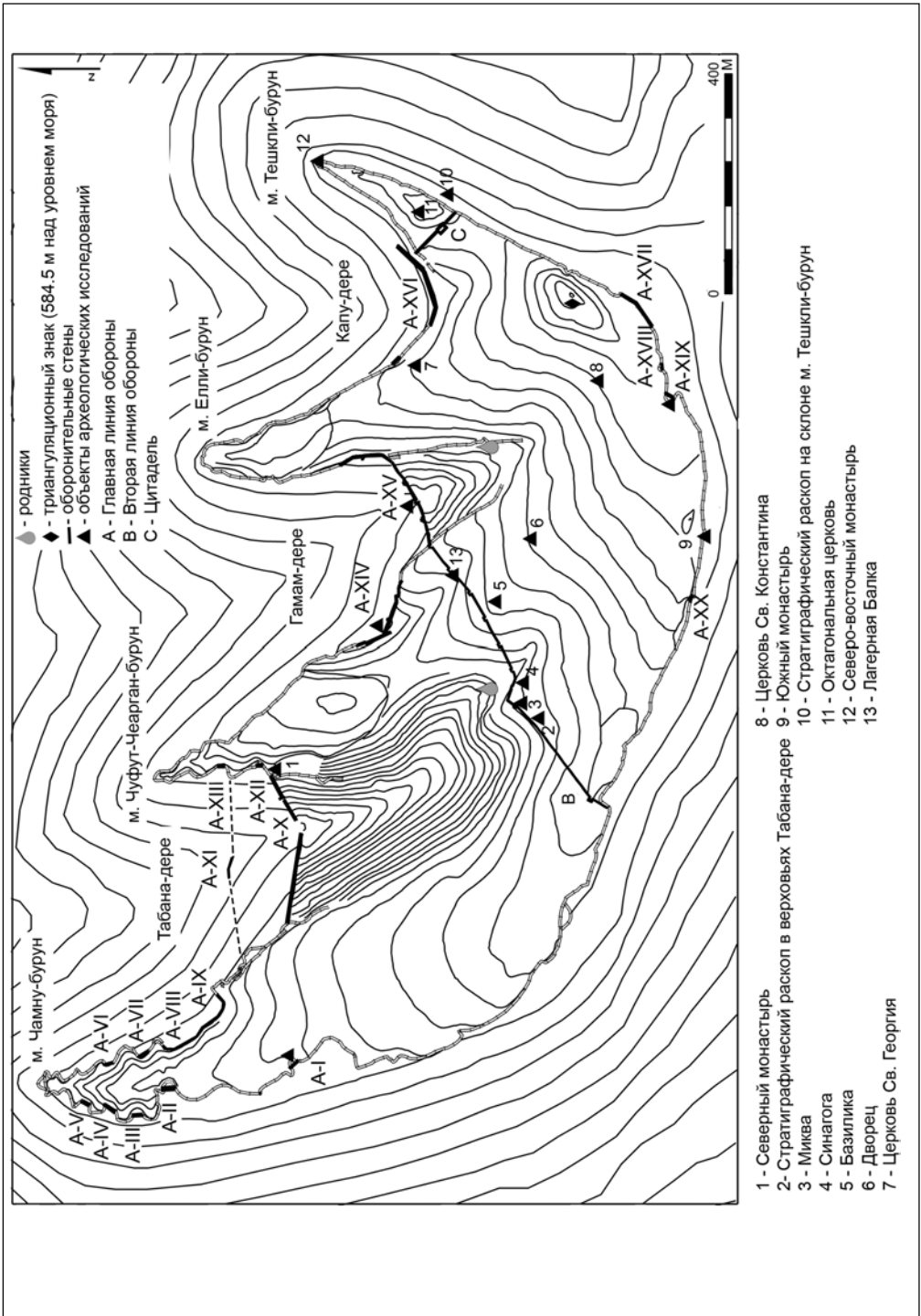

Рис. 1. Общий план Мангульского плато с указанием основных объектов археологических исследований.

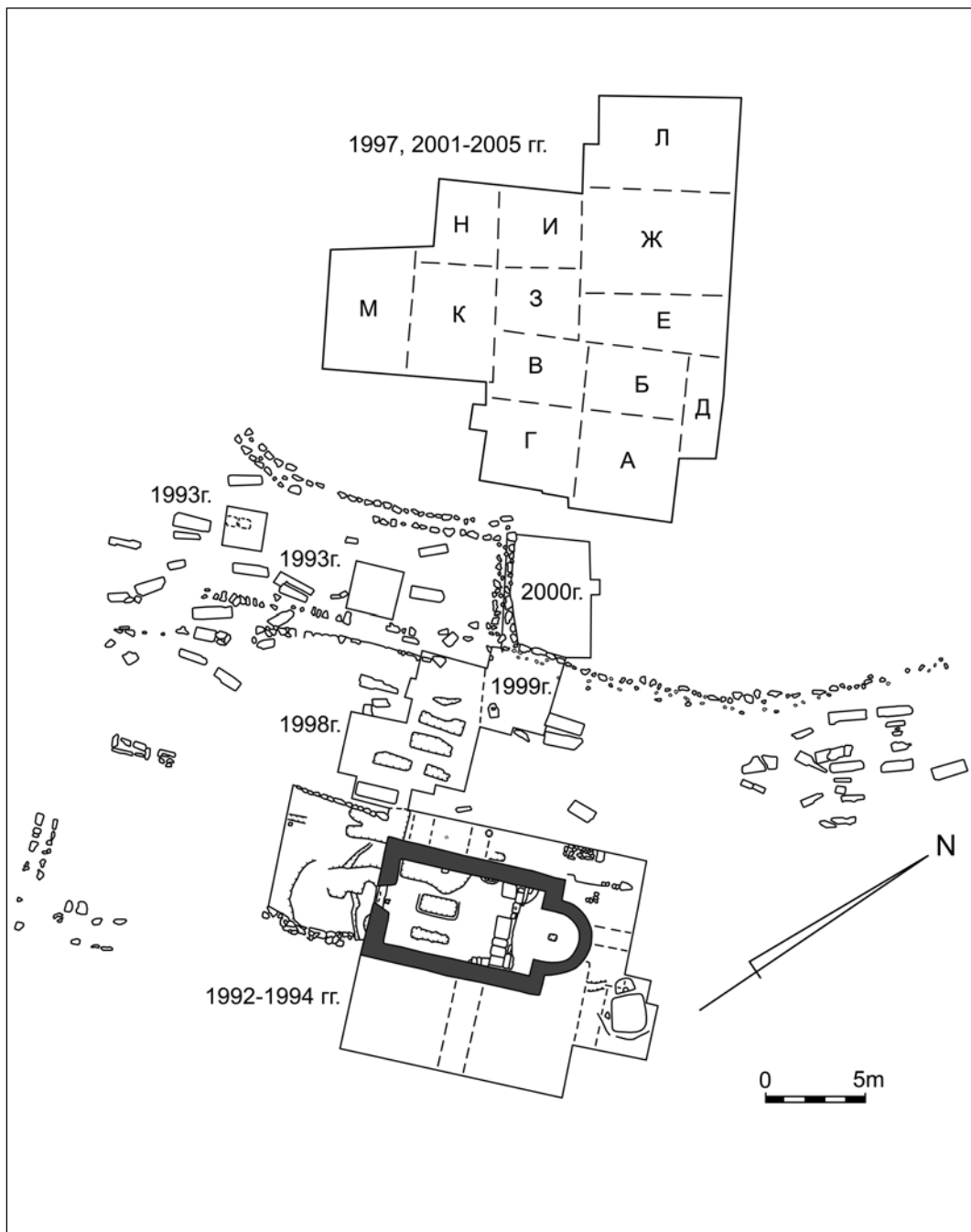

Рис. 2. Ситуационный план комплекса с указанием участков исследований у церкви Св. Константина.

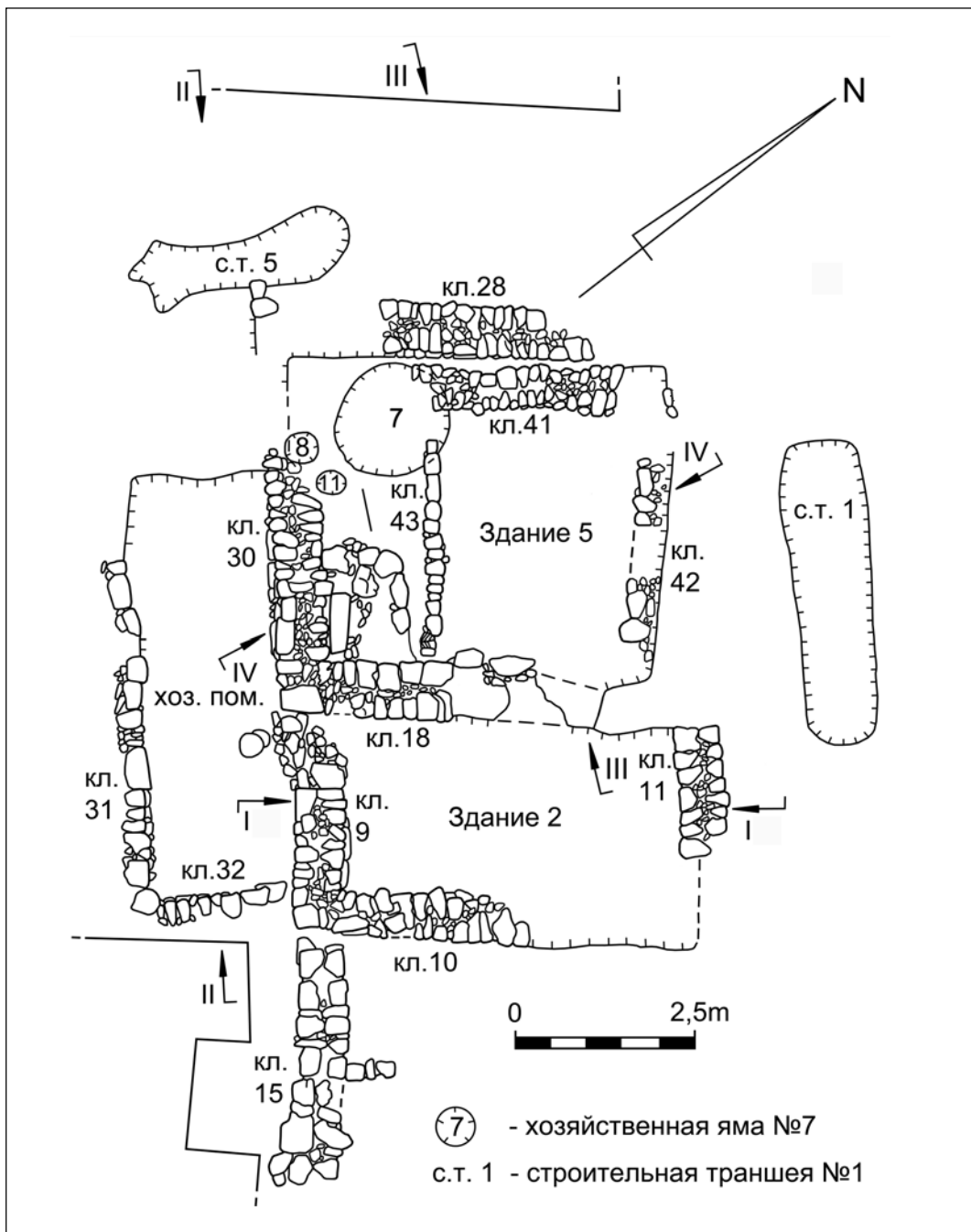

Рис. 3. Общий план строительных остатков III яруса застройки у церкви Св. Константина.

Рис. 4. Комплекс зданий 2 и 5 после снятия «полов». Общий вид с северо-востока.

Рис. 5. Здание 5 по уровню «пола». Общий вид с юга.

Рис. 6. Здание 2 по уровню «пола». Общий вид с юга, сверху.

Рис. 7. Здание 5 после снятия «пола». Общий вид с юга, сверху.

Рис. 8. Хозяйственное помещение к юго-западу от зданий 2 и 5. Общий вид с востока, сверху.

Рис. 9. Здание 2. Юго-западная стена (кладка 9). Вид с северо-востока.

Рис. 10. Здание 2. Яма 9 под северо-восточной стеной (кладка 11). Вид сверху.

Рис. 11. Здание 5. Внутренняя фасировка северо-восточной стены (кладка 42).

Рис. 12. Здание 5. Яма 24, перекрытая кладкой 41. Общий вид с юго-востока.

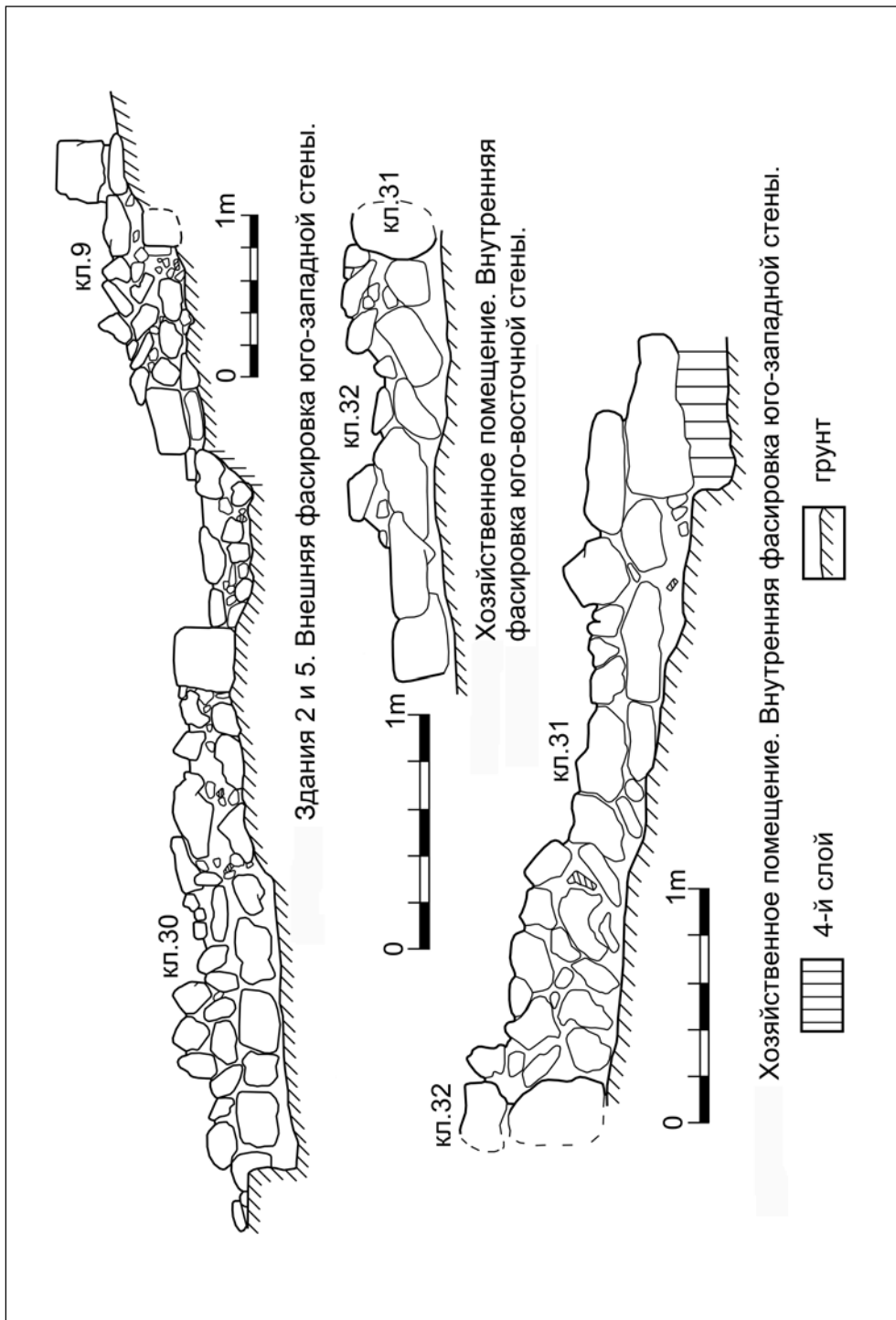

Рис. 13. Комплекс зданий 2 и 5. Фасировки стен.

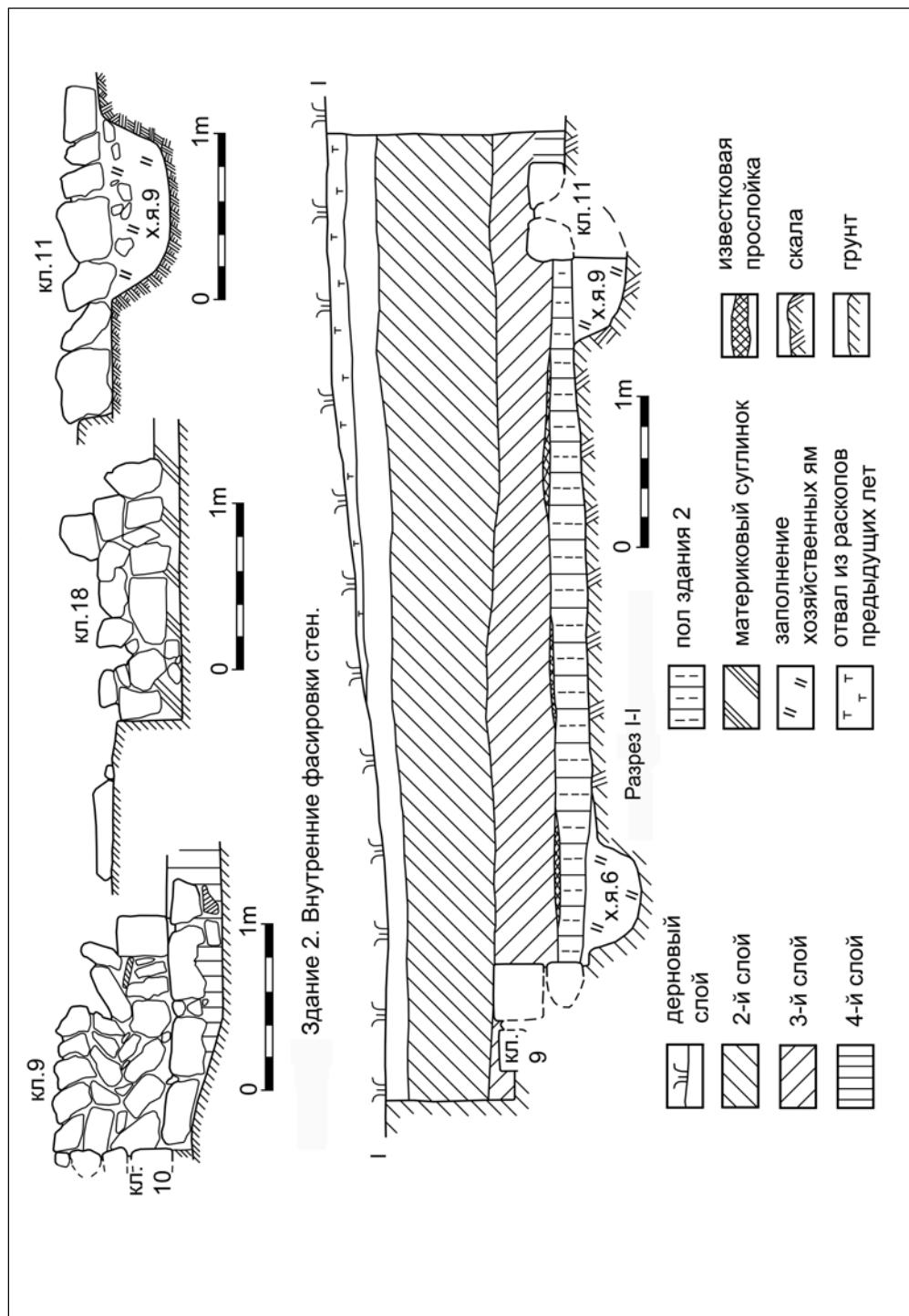

Рис. 14. Здание 2. Фасировки стен и стратиграфический разрез I-I.

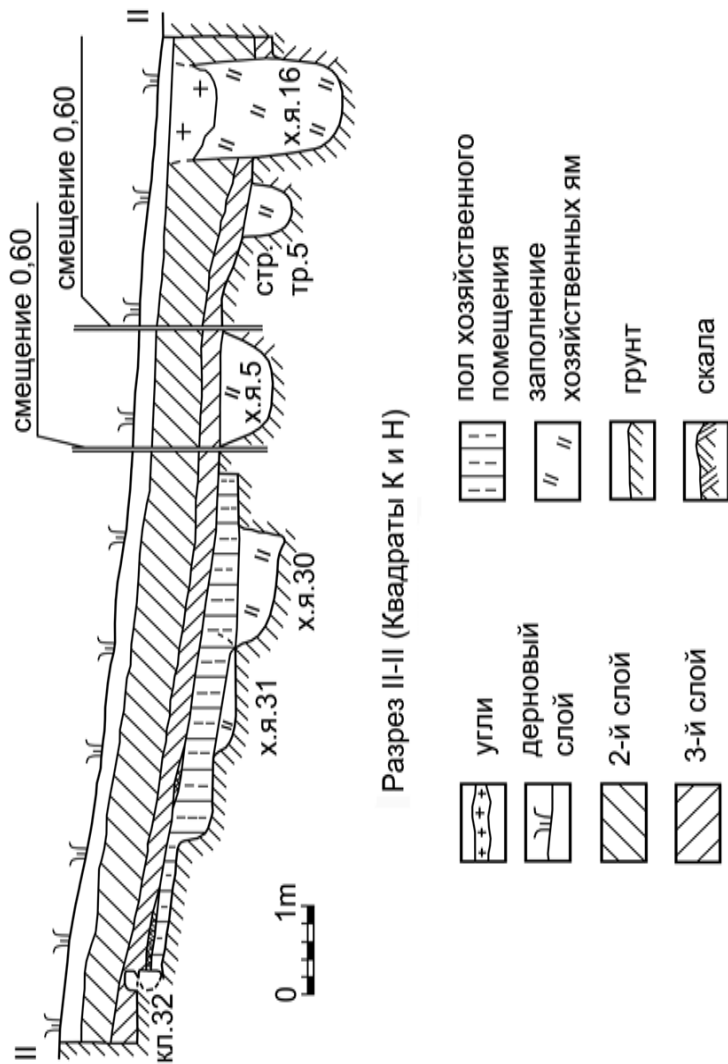

Рис. 15. Хозяйственное помещение к юго-западу от зданий 2 и 5. Стратиграфический разрез II-II.

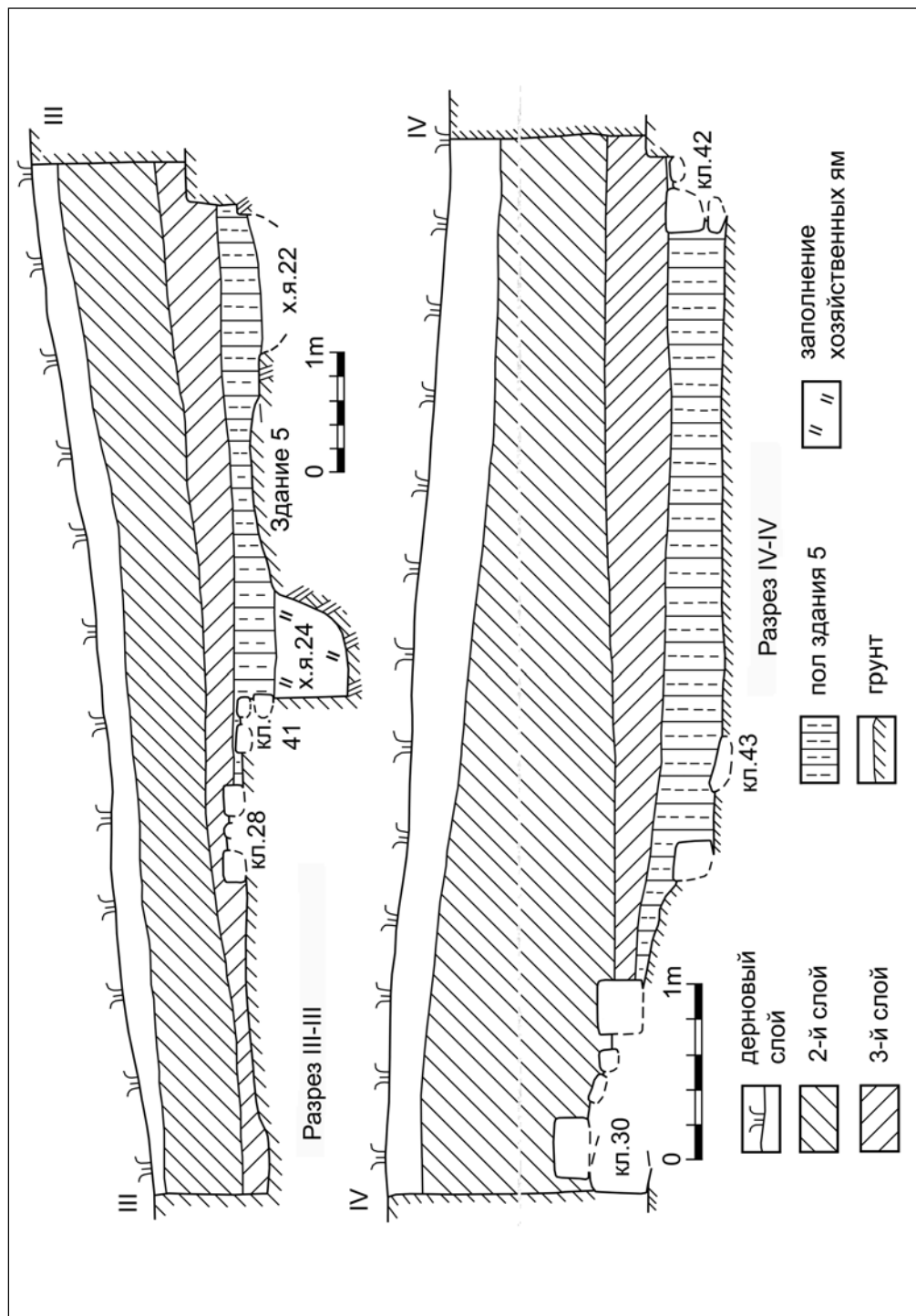

Рис. 16. Здание 5. Стратиграфические разрезы III-III и IV-IV.

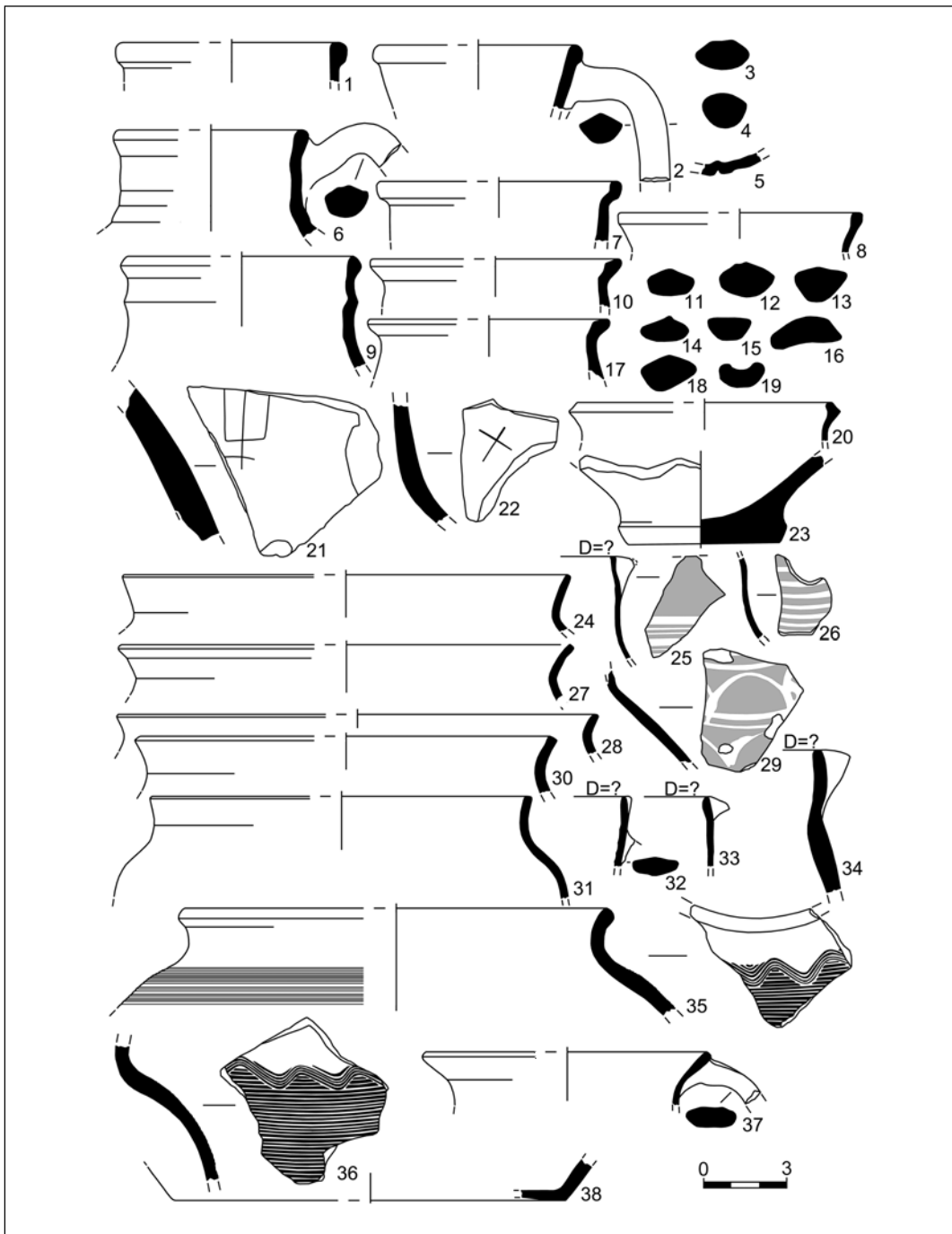

Рис. 17. Здание 2. Находки из «слоя функционирования» постройки.

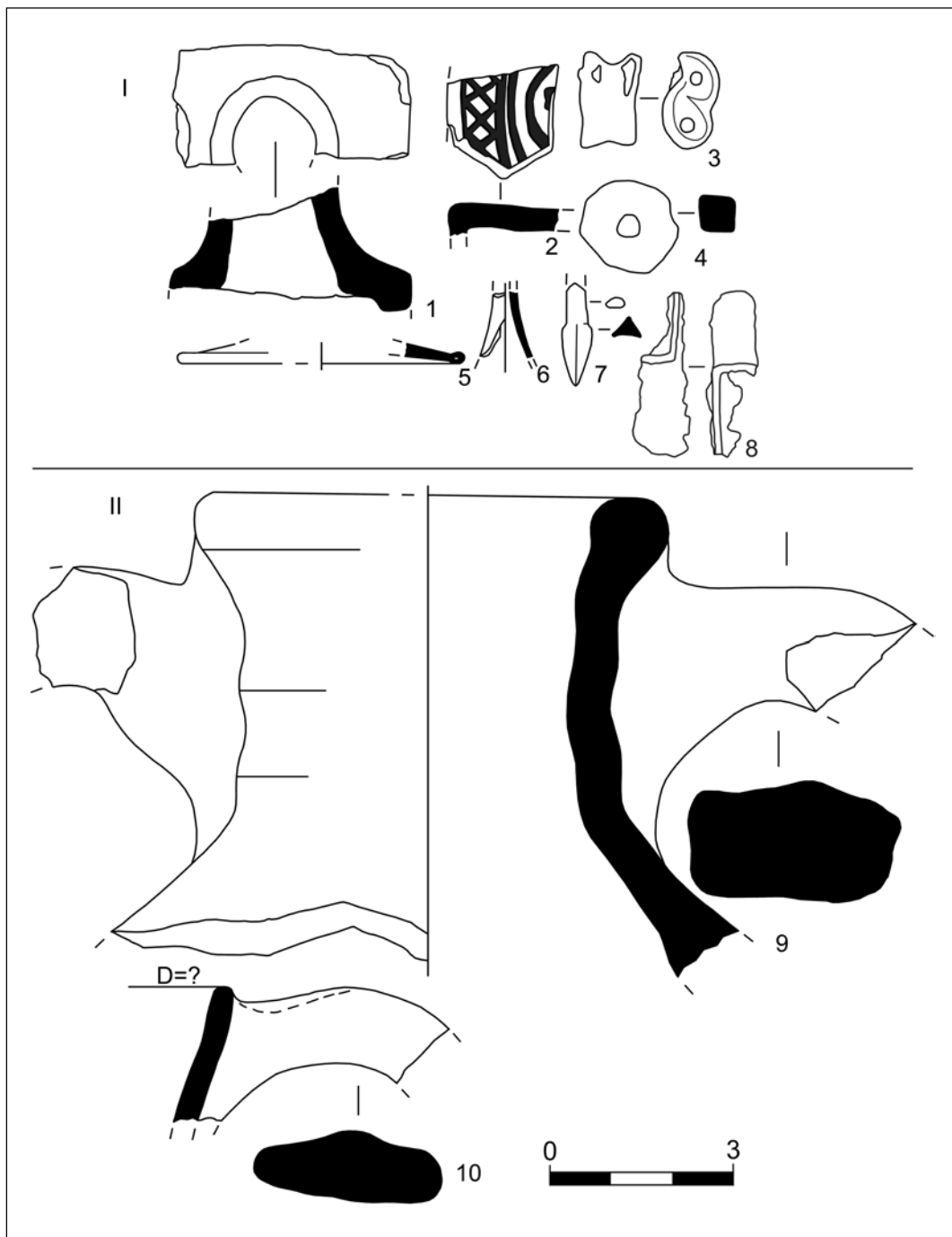

Рис. 18. Находки из «слоя функционирования» здания 2 (I) и заполнения ямы № 7 (II).

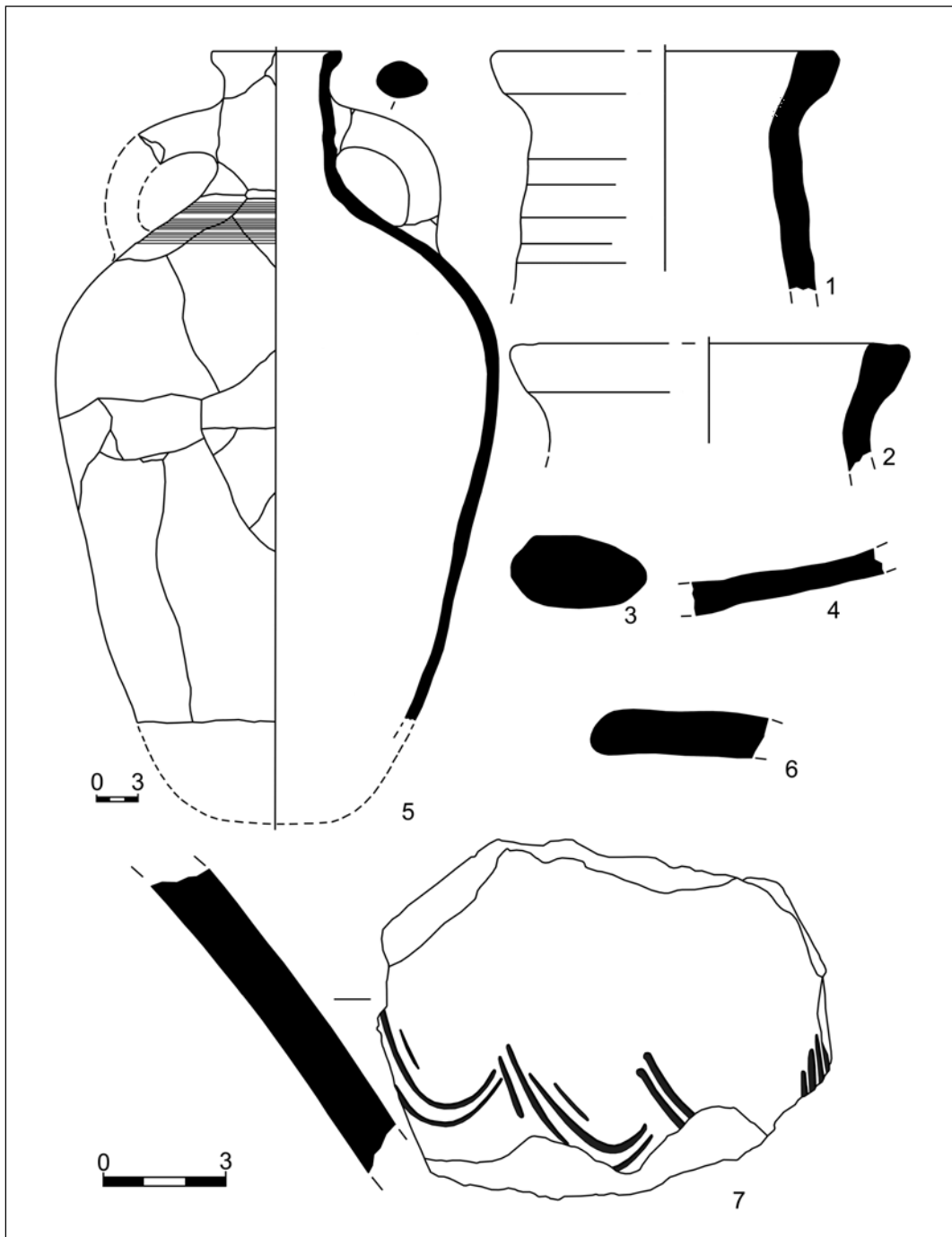

Рис. 19. Здание 2. Находки тарной керамики из «пола».

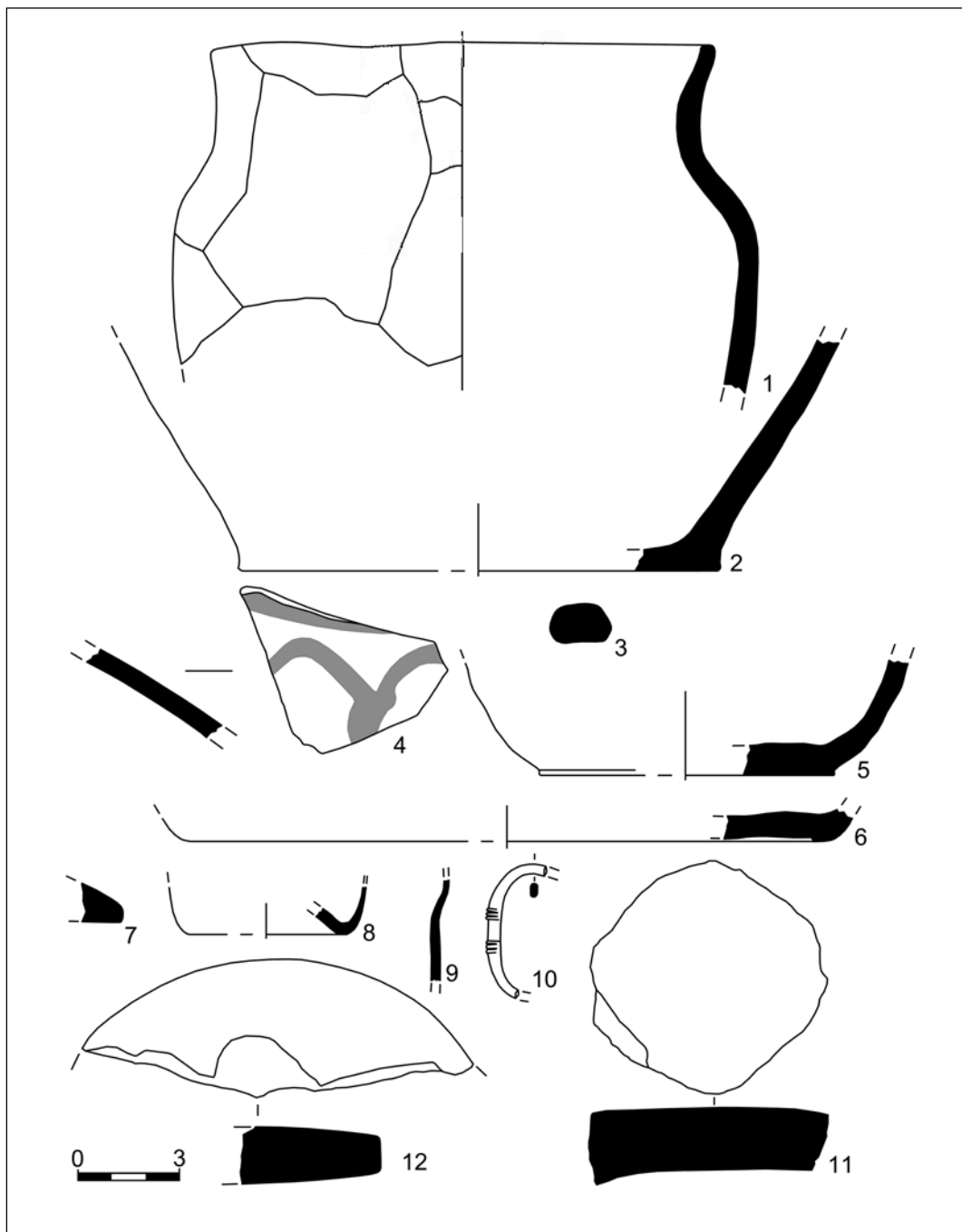

Рис. 20. Здание 2. «Пол». Кухонная (1-2) и столовая (3-6) керамика. Находки из стекла (7-9), бронзы (10), глины (11) и известняка (12).

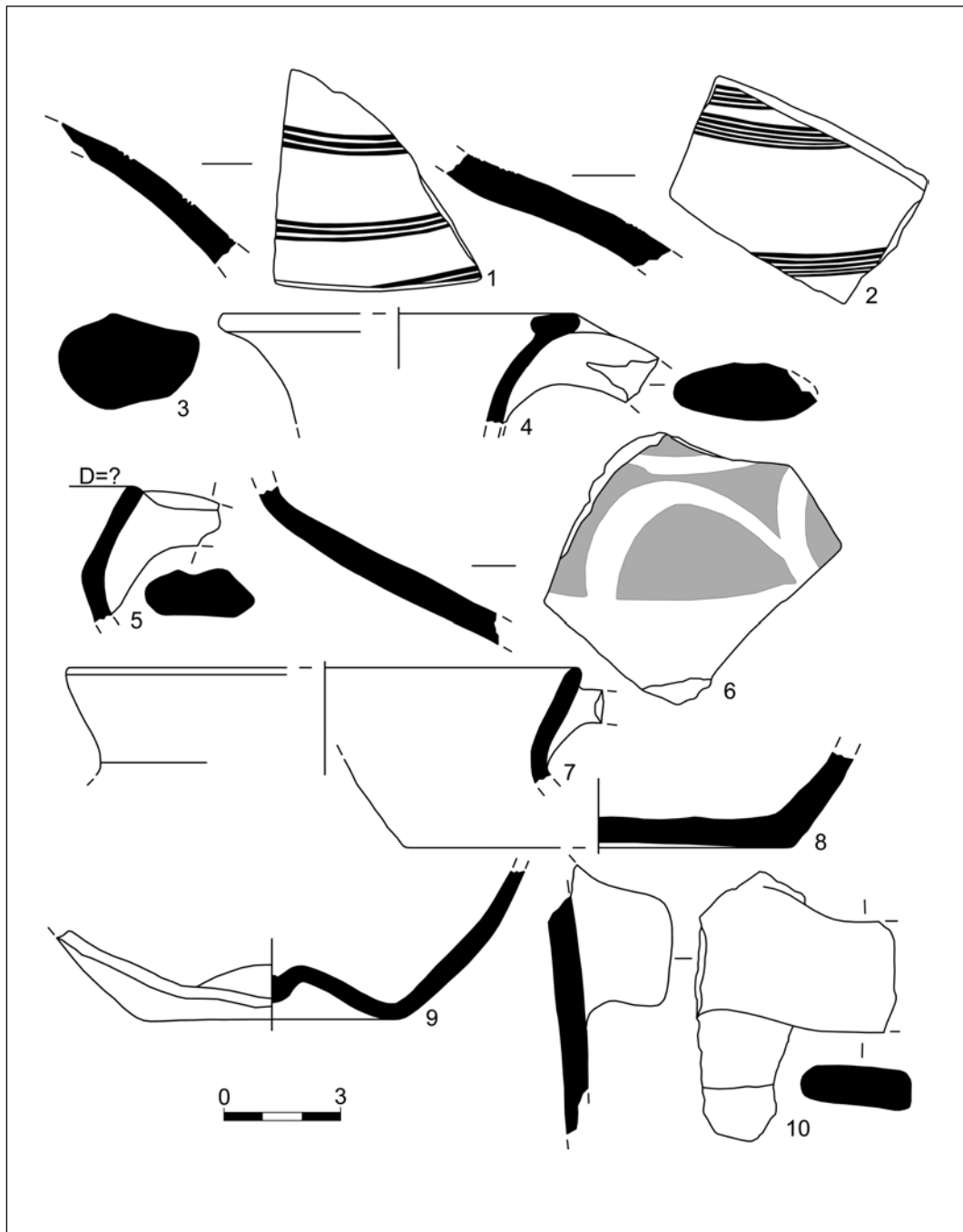

Рис. 21. Здание 5. «Пол». Тарная (1-3) и столовая (4-10) керамика.

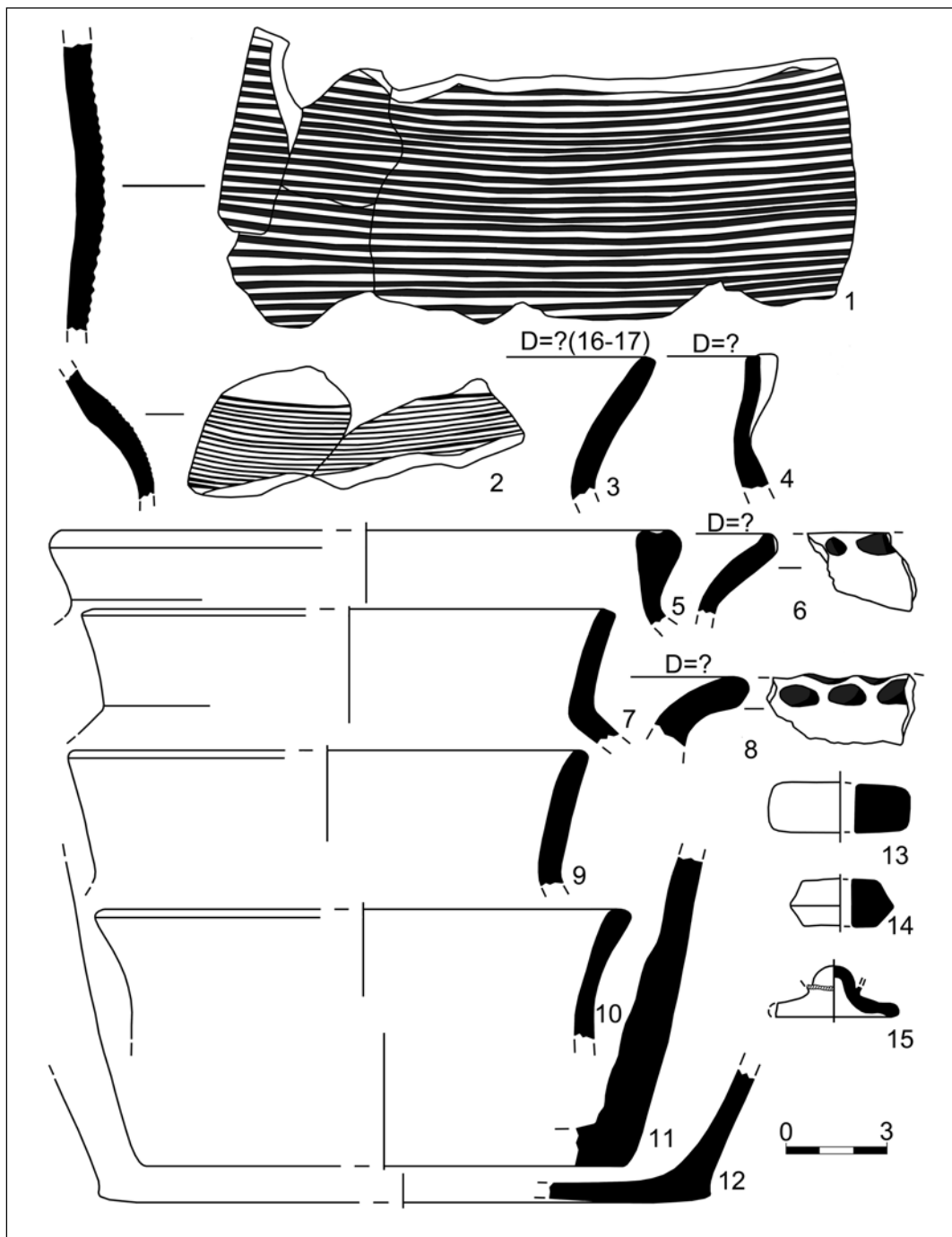

Рис. 22. Здание 5. «Пол». Кухонная керамика (1-12), изделия из глины (13-14) и стекла (15).

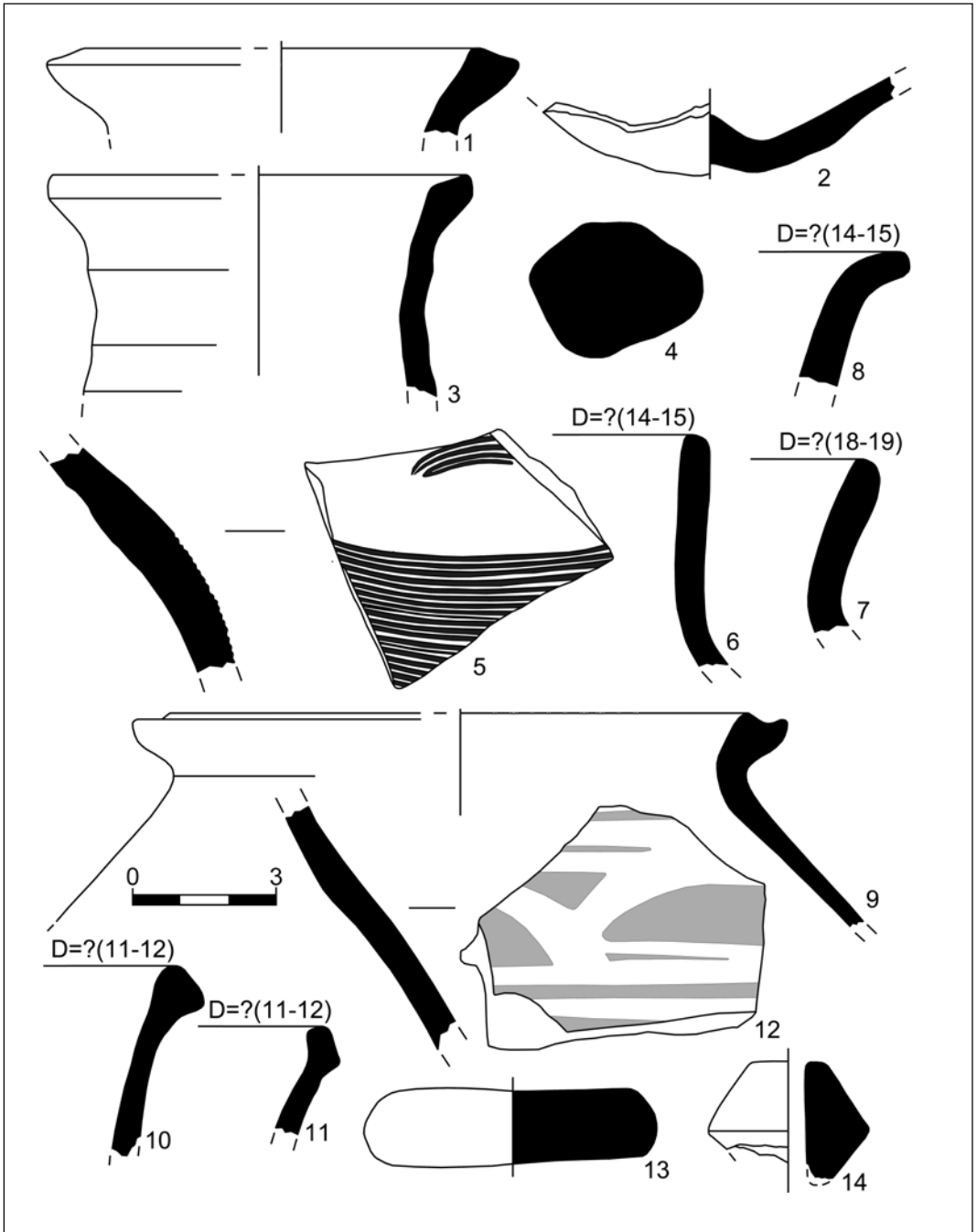

Рис. 23. Хозяйственное помещение. Тарная (1-5), кухонная (6-9), столовая (10-12) керамика, изделия из известняка (13) и глины (14).